

ТАТЬЯНА Устинова

— первая среди лучших —

Вселенский заговор

Татьяна Устинова. Первая среди лучших

Татьяна Устинова

**Вселенский заговор.
Вечное свидание (сборник)**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Вселенский заговор. Вечное свидание (сборник) /
Т. В. Устинова — «Эксмо», 2016 — (Татьяна Устинова. Первая
среди лучших)

ISBN 978-5-699-87934-2

...Конец света близок, грядет нашествие грозных инопланетных цивилизаций, и изменить уже ничего нельзя. Нет, это не реклама нового фантастического блокбастера, а часть научно-популярного фильма в планетарии, на который Гриша в прекрасный летний день потащил Марусю... Конца света не случилось, однако в коридоре планетария найден труп. А самое ужасное, Маруся и ее друг детства Гриша только что беседовали с уфологом Юрием Федоровичем. Он был жив и здоров и предостерегал человечество от страшной катастрофы. Маруся – девица двадцати четырех лет от роду, преподаватель французского – живет очень скучно. Всего-то и развлечений в ее жизни – тяга к детективным расследованиям. Маруся с Гришей начинают «расследовать»!.. На пути этого самого «следования» им попадутся хорошие люди и не очень, произойдут странные события и непонятные случайности. Вдвоем с Гришей они установят истину – уфолога убили, и вовсе не инопланетные пришельцы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87934-2

© Устинова Т. В., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Вселенский заговор	7
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Устинова
Вселенский заговор.
Вечное свидание (сборник)

© Устинова Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Вселенский заговор

– Что это ты так вырядилась?!

Маруся приткнула чашку на блюдце и оглядела себя. Она всегда немного терялась, когда отец принимался разговаривать с ней грозным голосом. Он то и дело принимался, а она то и дело терялась!..

– А что такое? – спросила она осторожно.

– Да ничего! – сказал отец и раздул ноздри. – Это современная мода такая, голышом ходить?!

– Пап, у тебя бок болит, что ли?

Он налил себе чаю, уселся и нацелил на дочь цепкий полковничий взгляд. Маруся знала – когда он смотрит «полковничьим» взглядом, добра не жди. Значит, и бок болит, и ночь не спал, и настроение ужасное, и она во всём виновата!..

Маруся и современная мода.

– Ты же взрослый человек, – продолжал отец. – Ты же не кто-нибудь!.. Ты французскому языку студентов обучаешь! А одеваешься, как... как будто...

Она тихонько и коротко вздохнула.

– Как будто ты в стриптизе работаешь, а не в университете!

– А... тебе что, не нравится? Верх или низ?

– Ничего мне не нравится! Где тут верх, где низ?! Одно голое тело кругом! Марш переодеваться!

– Пап...

– Ты меня услышала?

Ах ты, боже мой. Это его любимое выражение с самого Марусиного детства, не сулившее ничего хорошего! «Моя дочь будет заниматься музыкой, ты меня услышала?» – и Маруся тащи-лась на сольфеджио и в хор, хотя ни слуха, ни голоса у неё не было. «В этой четверти должны быть пятёрки не только по основным предметам, но и по физкультуре! Моя дочь не может быть размазнёй! Ты меня услышала?» – и Маруся, обливаясь слезами и в кровь обдирая ладони, съезжала по канату и грохалась попой на жёсткий пыльный мат и лезла снова. «В этом году мы проводим отпуск с моими сослуживцами. Они идут на байдарках по Чае. Моя дочь должна с пользой проводить каникулы! Ты меня услышала?» – и Маруся, вместо того чтоб валяться в гамаке у тёти на участке, тащила на худосочных плечах пудовый рюкзачище и до мяса стирала ноги туристскими ботинками.

– Твоё дело такое – слушать отца, – говорила тётя, когда Маруся ей жаловалась на свою трудную судьбу. – Он тебя один вырастил, всю жизнь на тебя положил! Ты его надежда и опора, так что будь добра!..

С тех пор прошло много лет, Маруся давно выросла и перестала жаловаться, и поняла, что ничего и никогда не изменится, но этот вопрос – «Ты меня услышала?» – по-прежнему вызывал в ней тоску и ужас.

– Я переоденусь, – сказала она. – Ты не расстраивайся. Если у тебя бок болит, выпей таблетку, там с левой стороны в ящике, знаешь?.. И я тебе сейчас кашу сварю.

Отец посопел носом над чаем, пожал плечами, покосился на неё – и полез за лекарством. Так и есть!.. Всю ночь промаялся, вот теперь всё и не слава богу, и она виновата.

– Куда собралась-то?

– А?.. Вот вода, запей. В планетарий, пап. Гриша сейчас должен зайти.

Сергей Витальевич дёрнул головой и сделал движение горлом, чтобы таблетка с гаран-тией проскочила куда следует, и сказал примирительно:

– Планетарий – это хорошо. Это полезно. Вот правильно придумала, Маруся.

На самом деле дурацкий планетарий придумал Гриша, а вовсе не она!.. Гриша сказал, что нужно пойти, там сегодня какая-то лекция. Он ехал мимо на троллейбусе, видел объявление. Пойдём вместе, сказал Гриша, сначала на лекцию, а потом кофе где-нибудь попьем!..

...Собственно, в кофе было всё дело. Летним воскресным днём в планетарий Марусю не очень тянуло, а вот кофе... «Попить кофе» – словосочетание совершенно магическое для любой современной девушки. Есть в нём что-то очень правильное и красивое, как из глянцевого журнала. Подругу Дашу кавалер то и дело приглашал «попить кофе», и она каждый раз рассказывала, как это было, выкладывала фотографии кофе, булочки и кавалера в Инстаграм, собирала «лайки» и «комменты», «делилась с друзьями». Ведь это очень, очень важно – обсудить с наибольшим количеством посторонних людей свой кофе, свою булку и своего кавалера!

Даша учила Марусю жизни несколько... свысока, хоть и значилась её лучшей подругой. Даша, конечно, достигла значительно больших успехов: у неё есть кавалер, вполне постоянный и «надёжный», вот-вот сделает предложение – тьфу-тьфу-тьфу!.. Вся кафедра французского в университете с нетерпением ожидает предложения и назначения даты свадьбы. Мария Никитична то и дело заговаривает о том, что платье на свадьбу нужно шить, а не покупать готовое. Марусе до таких успехов далеко-далёко. У неё только Гриша, а какой из него... кавалер? Так, друг детства, сосед по даче, скромный инженеришка из ЦАГИ, двадцать восемь тысяч рублей плюс премии. Даже в смысле кофе не разгуляешься! Хорошо хоть в планетарий ему понадобилось, а то бы ещё месяц не пошли, и нечего выложить в Инстаграм!

Совершенно нечего и некого.

Поставив кашу на огонь, Маруся потащилась переодеваться. Ничего не поделаешь – папа сказал, и она его слышала. Что бы такое надеть, а?... Она стащила джинсы – новые, ещё не надёванные, с совершенно целомудренными дырками, – положила их на кровать и даже погладила. Так они ей нравились!.. В таких джинсах не стыдно пойти «на кофе» в самое гламурное и модное место, и вообще куда угодно пойти! Маруся купила их, подкопив денег от учеников, в самом дорогом и центральном московском магазине, а папе ничего не сказала!.. Так и знала, что ничего хорошего не выйдет. И маечку сняла – лёгонькую, шёлковую, на бретельках, – и пристроила её так, чтоб на кровати получился комплект. И немного полюбовалась – красиво и очень по-летнему.

– Марина! – закричал из кухни отец. – Где ты застряла! Тут сейчас всё убежит!

Маруся ахнула, кое-как нацепила халат и помчалась спасать кашу.

– Ты что? Ещё не переоделась? Таких неорганизованных тетёх свет не видывал! Я бы уж пять раз собрался! В армии на сборы даётся...

Всё, что касалось армии, Маруся пропустила мимо ушей. Она мешала кашу и прикидывала, чем заменить джинсы с маечкой. Вариантов немного. Есть сарафан, но он старый и вообще ничего интересного. Юбка есть, но они за учебный год надоели хуже горькой редьки, эти юбки!.. Ещё есть платишко, но его ещё осенью нужно было в химчистку сдать, а Маруся позабыла...

В дверь позвонили.

Маруся бросила ложку и ринулась в свою комнату. Это наверняка Гриша, а она в халате!

Торопливо напяливая сарафан – старый и вообще ничего интересного, – Маруся прислушивалась к голосам на кухне. Отец что-то басил внушительно и длинно, а Гриша отвечал потоньше и покороче. Интересно, а кашу она выключила?... Или сейчас придётся отчищать плиту?

– Па-ап! Выключи кашу!

– Маруська, привет!

– Привет! Пап, каша!..

– Что – каша? Я её уже ем!

Маруся вытащила хвост, попавший под сарафан, посмотрелась в зеркало, вздохнула и пошла на кухню.

– Только не поздно, – предупредил отец, когда она показалась на пороге. – Завтра рабочий день.

– У меня скоро отпуск, пап.

– Какая разница?! Дисциплина есть дисциплина! Отпуск пройдёт не заметишь как, а потом что? Потом себя организовать в сто раз труднее.

– Мы недолго, Сергей Витальевич!

– Ну-ну.

На улице было свежо, и Маруся пожалела, что не взяла с собой кофту. Гриша потянул её за ремень сумки:

– Давай.

Была у него такая манера, очень Марусю раздражавшая, – он всё время порывался нести её дамскую сумку. Сто раз говорила: не нужно, я сама!.. Мужчина с дамской сумкой на плече выглядит... как бы это сказать... нелепо и странно, и уж совсем не сексуально!.. Впрочем, и без сумки Гриша выглядел... н-да, так себе, особенно в смысле сексуальности.

В Инстаграм не выложишь. «Лайков» не получишь.

– Да не нужно, Гришка, я сама! Она, видишь, маленькая совсем. У меня в выходные всегда лёгкая сумка!..

– А как же? Мужчина должен нести сумки! Мне бабушка в детстве весь мозг вынесла сумками этими.

– Это когда они тяжёлые. А у меня лёгкая.

Гриша с сомнением посмотрел на её розовую сумочку.

– Ты мне лучше скажи, – торопливо предложила Маруся, – что там, в этом планетарии?.. Зачем мы туда идём?

Друг детства неожиданно развеселился:

– Там лекция про инопланетные цивилизации. А я люблю всякую подобную ахинею!

– Какую ахинею ты любишь?

– Ну вот всякое такое – про цивилизации, про народы майя. Про круги на полях тоже хорошо! Никогда не видела в Интернете? Поле, и вдруг ночью на нём появляются загадочные круги!.. И все носятся – комбайнёры, трактористы, пастухи и разные жулики от науки – и проверяют, в какую сторону пригнуты колосья. И из этого делают всякие выводы.

– И что?

– Да ничего, смешно просто.

– А-а, – протянула Маруся.

Гриша поправил на носу очки. Брился он, видимо, наспех или думал во время бритья про инопланетные цивилизации, потому что на щеке у него остался порез, на шее – островки волос, а там, где было побрито, кожа красная, раздражённая. Маруся вздохнула и отвернулась.

...Зато после лекции они пойдут кофе пить!.. И может быть, удастся съесть что-нибудь вкусное. Марусе очень надоело каждый день готовить, почему-то получалось всё время одно и то же: котлеты, фаршированный перец, куриная грудка в соусе, и всё сначала. И она стала придумывать, что именно закажет в кафе.

Ну, во-первых, мохито. Так вкусно ей всегда было пить из высокого стакана ледяной, немного острый мятный коктейль!.. Как будто она на море! Море представлялось в мечтах очень отчётливо – огромное, зелёное, почти белое у горизонта, и ветер, и тёплый песок, и много неба, и она сама в драных джинсах и маечке, такая красивая и загорелая на полосатом шезлонге, рядом в песке стакан с ледяным мохито и книжка страницами вниз, тёмные очки задраны на лоб, а она смотрит на море и не слушает, что именно говорит её безупреч-

ный во всех отношениях кавалер. Кавалер в мечтах никак не представлялся, туманное пятно, но понятно, что внутри пятна нечто совершенное.

Во-вторых, она закажет салат «Цезарь». Это тоже очень вкусно, если всё приготовлено правильно и сухарики поджарены только что, а не неделю назад. А уж потом...

– Марина?

Маруся с трудом оторвалась от воображаемого меню и оглянулась.

Он подходил к ним, обозначаясь как будто из туманного пятна, что было в её мечтах. Безупречный во всех отношениях!..

– Привет, Антон.

Гриша вопросительно заглянул ей в лицо, по-птичьи наклонив голову.

– Это Антон, он тоже у нас преподаёт, только на юридическом отделении. А это Гриша, мой друг.

– Здравствуйте, здравствуйте, – выговорил Антон таким тоном, что положение Гриши, так сказать, определилось раз и навсегда, и небрежно протянул в его сторону руку. Тот не сразу, но всё же руку поймал и пожал.

– Гуляешь, Маруся?

– Да, – сказала она, словно говорила: нет, что ты, как ты мог подумать, что я гуляю, я иду по делу вот с этим человеком, который не имеет ко мне никакого отношения.

– А я на роликах катался. Во-он там! – И Антон махнул рукой в сторону парка, откуда на проспект доносилась весёлая музыка. – С самого утра. Ты не катаешься?

– Нет, – сказала она, словно говорила: конечно, катаюсь, странно, что ты спросил, ведь это моё любимое занятие, я катаюсь с самого детства, и прыгаю, и делаю кульбиты и сальто, посмотри мой Инстаграм!..

– Мы в планетарий идём, – вступил Гриша. – Там лекция.

Маруся зыркнула на него, словно он сказал нечто неприличное. Антон засмеялся.

– В планетарий?! Чудо какое! Я с вами.

Гриша опять заглянул Марусе в лицо, будто в щёку клюнул, и вроде бы пригласил:

– Ну... пожалуйста.

– Я был в планетарии один раз в жизни! В шестом классе. Нет, в пятом! В шестом мы уже в Америку уехали!..

– Там сегодня лекция, – буркнул Гриша, задетый упоминанием Америки. Да и вообще этот тип ему некстати! Он собирался вовсе повеселиться с Марусей в планетарии, а потом, может, он бы её пригласил в Кинотеатр повторного фильма вместо кафе. Что там в кафе?.. Скучно и народу полно, а в кино сегодня французская мелодрама Робера Вернэ, стоящая штука.

– Там было звёздное небо! И оно вращалось! Вот это был класс! Я же нормальные игровые компьютеры только в Америке увидел, а там небо вращалось! А вы кем работаете, Вася?

– Гриша. Григорий.

Антон улыбнулся и пожал плечами – какая, мол, разница!..

– Я инженер. А вы?

Маруся покраснела – как неловко! Ведь она же сказала, что Антон – юрист, в университете лекции читает!.. Впрочем, Антон вопроса и не услышал. Он поправил на широких плечах рюкзак, подмигнул Марусе, как сообщнице, и пошёл с ней рядом, оставив Гришу несколько позади.

...Всё правильно. При чём тут Гриша? Он тут абсолютно ни при чём!..

Маруся быстро и коротко вздохнула.

– Ну что? Ты вроде бы в приёмной комиссии собиралась работать?

– Приём закончился, Антон! Я до первого числа работала, а теперь мы дела оформляем.

– Кого набрали? Опять одних дебилов?

Маруся немного обиделась. Университет был «старой школы», очень гордился своими выпускниками, из которых выходили и лингвисты, и филологи, и военные переводчики, попасть в него нелегко – конкурс огромный, и всегда был огромным, и при советской власти, и в самые трудные времена.

Отец говорил про эти самые времена – смутные; сама Маруся никакой смуты не помнила, конечно. А папа часто горевал, что страна тогда развалилась, и армия развалилась, и ему, кадровому офицеру, пришлось искать себе какую-то другую, вовсе не подходящую работу. Маруся считала: тогда-то у него характер и испортился. А тётя считала: у него просто превосходный характер – был и остался!..

– Ни за что бы не стал в приёмной комиссии работать, – продолжал Антон весело, не замечив Марусиной обиды за университет. – Лето и так короткое, а тут месяц из жизни вычеркнуть!..

За работу в приёмной комиссии доплачивали очень прилично, вот Маруся и согласилась!.. Но не признаваться же в этом Антону.

– Я уже в отпуск съездил разок, и ещё поеду. Ты была в отпуске, Марина?

Она отрицательно покачала головой.

– А я в Италии был. В Риме, а потом в Милане. Ты была в Риме?

Маруся посмотрела на него.

– Съезди, – посоветовал Антон. – Такая красота!.. Свобода, теплынь! А еда какая вкусная! Итальянская еда – самая вкусная в мире. И кофе! На площади Навона. Только днём там не высидишь, жарко. А через две недели в Грецию лечу, на море. Я без моря жить не могу. Без моря и без кофе!..

– Мы пришли, – сзади сказал Гриша. – Ребят, вы слышите?

Маруся и Антон оглянулись. Отставший Гриша рукой показывал куда-то направо, они повернули и пошли направо. Пока Гриша покупал билеты, Антон рассказывал про море в Греции, а Маруся переживала, что на ней нелепый сарафан, а не новые рваные джинсы и маечка на бретельках.

В планетарии было прохладно и на удивление людно. Странное дело, оказывается, есть какие-то особи, которые посещают планетарий – летом, в выходной!.. – и их довольно много! На стенде вывешено красочное объявление о том, что сегодня будет демонстрироваться фильм «Тайны Вселенной», а кругом непонятные штуки, про одну из них Гриша сказал, что это механическая модель Солнечной системы.

– А небо где? Которое вращалось? – спросил Антон.

– Ну что вы, небо дальше, это только первый зал.

– Тогда пошли скорей, тут ничего интересного!

– Как – ничего интересного?! – возмутился Гриша. – Вот модель марсохода. Я только не понимаю, это «Оппортьюнити» или «Кьюриосити»?

– А есть разница? – не удержался Антон.

Гриша поддёрнул на носу очки и воззрился на него с изумлением:

– Огромная! Гигантская просто!.. Вот смотрите...

Прозвенели колокольчики, и чёткий голос сказал из динамика, что сейчас в кинозале начнётся фильм, просьба отключить мобильные телефоны. Из-за стендов и из высоких дверей потянулся народ.

– А нам обязательно нужно смотреть фильм? – спросил Антон. – Или мы просто звёздное небо увидим, и хватит на сегодня высшего образования?

– Мы, вообще-то, именно на фильм шли. То есть я думал, что будет лекция, а оказалось – это научно-популярный фильм, – сообщил Гриша мрачно. – Но как хотите...

Вид у него был расстроенный, и Марусе стало его жалко, хотя ещё больше было страшно, что Антон соскучится и уйдёт и всё закончится.

– Конечно, пойдём, – сказала она торопливо. – Да это, наверное, и не слишком долго.

Сверяясь с билетами, они пробрались на свои места, и тут Антон довольно громко спросил, продают ли здесь попкорн, и со всех сторон на них уставились зрители – с осуждением.

– Где ты его взяла? – шёпотом спросил Гриша, когда они усадились – Маруся посередине. – Питекантроп какой-то.

Она дёрнула плечом и покосилась на Антона, который весело возился в кресле, устраиваясь.

– Зачем мы сюда припёрлись? – спросил он у Маруси, перестав возиться. – Это же паноптикум какой-то!..

– Тише! – сказали сзади. – Сейчас кино начнётся!

Антон засмеялся.

– Расскажу на работе, не поверит никто!.. Хотя!.. – Он вытащил телефон и стал щёлкать. – Взорвём Инстаграм! А, Марин?..

Свет в зале медленно погас, и на большом вогнутом экране появились звёзды. Сначала их было не слишком много, они дрожали и мерцали, а потом стали как будто приближаться и надвигаться, и показалось, что там, внутри экрана, их миллиарды!..

– Приходилось ли вам, – выговорил отчётливый дикторский голос, – подняв глаза к небу, увидеть не бесконечно холодное спокойствие космоса, а нечто странное? Необъяснимое? Ужасное, но, быть может, ожидаемое?..

Маруся как зачарованная смотрела на звёзды, которые всё приближались и приближались, и их становилось всё больше.

Тут сбоку экрана появились какие-то круги.

– Эта фотография была получена группой уфологов – специалистов по внеземным цивилизациям – несколько дней назад. Неоспоримое доказательство существования высокоразвитой инопланетной расы.

– Какое же это доказательство?! – изумился Гриша довольно громко. Сзади его взяли за плечо:

– Вам неинтересно – не смотрите. А нам не мешайте.

Гриша нетерпеливо кивнул и подался вперёд, но досмотреть загадочный фильм им было не суждено. Круги на экране становились всё отчётливей, и в них уже можно было рассмотреть какие-то объекты, когда вдруг откуда-то из середины зала раздался даже не крик, а вопль:

– Спасайтесь! Бегите!

Маруся уронила розовую сумочку. Антон проглотил жвачку и закашлялся, а Гриша обернулся и вскочил. Какой-то всклокоченный мужчина позади них голосил, указывая дрожащей рукой на экран:

– Это не просто пришельцы!.. Вселенский заговор!.. Началось!..

– Эти объекты были зафиксированы Тибетской обсерваторией в начале зимы. Расстояние до них составляет примерно семьдесят парсеков, – доносилось с экрана, – то есть примерно три целых одна десятая на десять в тринадцатой степени километров...

– Бегите!.. В горы, к воде!.. Это гибель!!! – И мужик вцепился себе в волосы, словно собираясь их вырвать.

В зале волновались и пошумливали, фильм никто не смотрел.

– С ума, что ли, сошёл?.. А где охрана? Есть здесь охрана? Да выведите его кто-нибудь! Психовозку надо вызывать! – уже кто-то коротко хохотнул, и какая-то мамаша за руку потянула испуганного ребёнка к выходу.

– Так положено, да? – осведомился Антон. Ему было весело. – Это часть представления?

Маруся всё таранилась на кричавшего. Гриша, перелезая через свободные кресла, пробрался к безумцу и твёрдо взял его под локоть. Маруся втянула голову в плечи, напарила сумку, поднялась и быстро пошла к выходу. Она очень боялась скандалов, особенно публич-

ных, так, что почти не могла себя контролировать. Ей было лет девять, когда отец за что-то громко накричал на неё на улице. Она потом никогда не могла вспомнить, за что именно, но собственное чувство страха и позора, какого-то окончательного, полного позора, не забывалось даже много лет спустя. Отец орал на неё и топал ногами, прохожие останавливались, глазели и спрашивали у него и друг у друга, в чём дело, старушки сочувствовали, мужчины поддакивали, а Маруся была в самом центре скандала, как будто её голую пороли на площади, а толпа глазела!..

Она выскочила в светлый просторный и пустой холл перед зрительным залом и перевела дыхание.

Всё в порядке. Она спаслась.

Скандал не имеет к ней никакого отношения.

Маруся открыла сумку – руки немного дрожали, – достала бумажный платочек и зачем-то промокнула совершенно сухой лоб.

Высокая дверь открылась, в тёмном проёме появился Гриша и ещё какой-то тип. Вдвоём они волокли упиравшегося буяна. Маруся скомкала бумажку и шмыгнула за колонну.

– Вы не понимаете, – громко говорил человек, поминутно оглядываясь на зал. Глаза у него были безумные, и рот двигался как будто сам по себе. – Оставьте меня! Вы не понимаете, что делаете!.. Это мои вычисления! Это мой график!.. Я всё предсказал, но не предполагал, что они так близко!

– Вы не шумите, – сказал Гриша совершенно спокойно. – Детей перепугали!..

– Каких детей?! Все погибнут, все!.. Человечество обречено!..

– Юрий Фёдорович, не волнуйтесь, – заговорил второй незнакомец, и Марусю поразило, что кто-то называет сумасшедшего по имени-отчеству! – Мы успеем.

– Поздно, – как-то очень горько сказал буйный Юрий Фёдорович и словно обмяк. – Так я и знал.

Гриша поправил на носу очки и сбоку посмотрел на этих двоих.

– Юрий Фёдорович учёный, уфолог, – сказал второй незнакомец с укором, словно Гриша не узнал родного дядю, – автор многих открытий. Именно его радиотелескоп засёк появление на небесном своде тех объектов.

– Корабли вторжения, – вставил Юрий Фёдорович как ни в чём не бывало. Он совершенно пришёл в себя и выглядел теперь как обычный человек – никакого безумия.

– А фильм, – продолжал второй, – просто воровство!.. У человека украли открытие!

– Да это теперь неважно, Игнат! – перебил превратившийся в совершенно нормального человека Юрий Фёдорович. – Мы с товарищем вместе работаем, он в курсе проблемы! Игнат, дай ему наши визитки.

Второй полез во внутренний карман пиджака, извлёк два картонных прямоугольника и протянул Грише. Тот покосился с некоторым недоверием, но взял.

– Вот-вот начнётся, а я не успел предупредить! Все выводы, которые он делает, – враньё! Он сам не понимает, чем это закончится!

– Кто, кто не понимает? – перебил Гриша с любопытством.

– Воскресенский, – сказал Юрий Фёдорович с досадой. – Ну, автор этого фильма! Украл и украд, какая разница! Но выводы!..

Высокие двери вновь открылись, и, шурясь, на свет выскочил Антон. Лицо у него было очень весёлое.

– Слушайте, ролик у меня получился – зашибись!.. Я всё снял с начала до конца и у себя на «стене» выложил!.. Двое уже репостнули, а дальше вообще понесётся!..

Тут он увидел Юрия Фёдоровича, его напарника и Гришу и остановился:

– Как?! Ещё не конец?!

– В том-то и дело, что конец, юноша, – сказал Юрий Фёдорович совершенно серьёзно. – Я опоздал. У человечества больше нет ни единого шанса. Игнат, мы должны идти.

Антон выхватил из кармана телефон, наставил на оратора и выдохнул с восторгом:

– Ну, дальше, дальше!.. Говорите, что вы замолчали?!

Юрий Фёдорович заговорил.

Гриша какое-то время слушал внимательно, потом заморгал, заоглядывался по сторонам, увидел Марусю и пошёл к ней за колонну.

– Ну что? – спросила она тихо.

Гриша пожал плечами:

– Сумасшедшие какие-то. А этот твой юрист зачем его снимает? Это такой прикол, да?

Маруся кивнула. До них доносились только обрывки фраз: «Смещение... годичный паралакс... Биокинетика – суть наука о... Эф-тэ-эль прыжок... Плюмбум, то есть медь...»

– Плюмбум, – себе под нос сказал Гриша, – это свинец, а не медь. – Помолчал, прислушиваясь, и безнадежно махнул рукой. – Пошли, Маруся. Хотел я повеселить тебя сегодня, и ничего из этого не вышло!..

– Ты меня повеселил, – от души сказала Маруся, но Гриша никакой иронии не заметил.

– За такие вещи можно убить! – возвысил голос уфолог Юрий Фёдорович, и они оглянулись. – Помяните моё слово, ещё до вторжения с ним будет покончено!

– С кем? – уточнил Антон, не отрываясь от телефона. Он всё снимал.

– С Воскресенским, с кем же ещё?! Ведь это он... предал человечество.

– Понятно, понятно, – подбадривал его Антон, гримасничая. – Продолжайте! В прямом эфире репортаж о грядущей гибели человечества и предстоящем убийстве!.. Мы знаем, что если убийство объявлено, то оно должно произойти! Кто будет убийцей? Вы?

– Мне уже незачем, – величественно отвечал Юрий Фёдорович. – Я сделал всё, что мог, но опоздал. И спросите сами этого Иуду, почему он украл моё открытие и почему решил погубить нашу цивилизацию. Вот на этой фотографии...

– Слушай, чего он делает, этот твой юрист?! Зачем он его снимает?!

Маруся пожала плечами и сказала мрачно, что снимает, должно быть, для того, чтобы выложить у себя в Инстаграме.

– Зачем?! – не унимался Гриша.

– Ну, как зачем, Гриш!.. Затем, что это... весело!

– Что весело?! Речи какого-то ненормального о гибели Вселенной – весело?!

– Да ты не понимаешь! – Она коротко вздохнула. Лучше бы сразу в кафе пошли. Хотя тогда Антона бы не встретили, а некоторая надежда пойти в кафе с Антоном ещё сохранялась. – В Интернете полно всяких приколов. Ты что, не в курсе?.. Если прикол всем понравится, можно стать знаменитым... за один день! Все будут смотреть твоё видео, каждый у себя репостить, и ты прославишься.

– За счёт сумасшедшего прославишься?.. – уточнил Гриша. – То есть как человек, который снял на видео какого-то придурка?.. Зачем она нужна, такая слава?

– Гриш, ты ничего не понимаешь, – возразила Маруся с досадой. – В вашем научном институте, может, так не принято, а во всём мире принято!.. Для этого специально социальные сети изобрели! Ты ничего про это не слышал?..

– Для чего – для этого? Чтоб придурков показывать?..

Антон выключил камеру в телефоне, покровительственно похлопал Юрия Фёдоровича по плечу, пожал руку его спутнику и быстро пошёл в сторону Маруси и Гриши. Захохотал он только за колонной.

– Ну что, ребята?! Звёздное небо смотреть, и всё, на воздух!.. Хотя развлечение первоклассное! Сейчас выложу у себя, только назвать надо как-то звучно!.. «Вселенная на краю гибели», что ли?.. Или нет, нет, «Смерть близка!» Хэштэг #марсатакует! Сразу в топ!

Гриша поправил очки и сбоку, по-птичьи, посмотрел на Антона.

Ничего особенного не произошло, – Маруся строго спросила себя, произошло или нет, и получилось, что нет, – но почему-то ей было стыдно.

За высокими дверьми кинозала твёрдый голос продолжал рассказывать – по всей видимости, о гибели Вселенной, слов не разобрать, – и народу в вестибюле почти не было. Они ещё постояли немного, Антон копался в телефоне, Гриша переминался с ноги на ногу и вздыхал, а Маруся ждала, когда хоть один из них догадается, что нужно в кафе идти, а не смотреть звёздное небо, но они не догадались, и пришлось идти смотреть!..

Они ходили довольно долго и потом ещё ждали в большом прохладном зале, когда звёзды зажгутся – оказывается, они зажигались по расписанию!.. Когда свет медленно угас, на них надвинулся небесный свод, и созвездия стали медленно вращаться. Маруся позабыла о своей досаде и непонятном чувстве стыда. Небо завораживало её, Гриша стал длинно и интересно рассказывать про науку под названием небесная механика, про Кеплера, про Полярную звезду и почему все расстояния считаются именно от неё, а не от какого-то другого небесного тела.

Маруся даже огорчилась немного, когда в купольном зале начался рассвет, небо посветлело и звёзды мерцали уже не так ярко.

Сеанс окончился.

– Вот и отличненько, – сказал Антон, который больше всех хотел в этот зал, но на небо взглянул всего пару раз, остальное время смотрел исключительно в телефон. – На свободу с чистой совестью!..

Марусе нужно было отлучиться на минуточку по очень личному делу, а как сказать об этом сразу двум молодым людям, она решительно не знала, поэтому промямлила что-то и бросилась в сторону, куда указывала стрелка с изображением девочки в юбочке.

– Марусь, ты куда, нам направо! – вслед ей закричал непонятливый Гриша, но она умчалась.

В коридоре, ведущем к дверям с девочкой и мальчиком, на банкетке сидел давешний ненормальный Юрий Фёдорович. Совершенно один в пустом коридоре.

Маруся пробежала мимо, не взглянув на него. Когда она вышла, он всё ещё сидел, как-то странно скособочившись. Она прошла было мимо, но всё же оглянулась.

Юрий Фёдорович медленно, словно против своей воли, оседал набок.

– Что с вами? – издали спросила Маруся. – Вам плохо?

И, пересиливая себя, осторожно подошла.

Юрий Фёдорович смотрел прямо перед собой остановившимся взглядом, какого не бывает у живых людей, – словно манекен. И в эту секунду Маруся поняла, что он... умер.

На полу рядом с банкеткой валялась скомканная бумажка, Маруся зачем-то её подобрала, – это оказалась какая-то фотография, – и сунула в розовую сумку.

Юрий Фёдорович теперь лежал – неловко, неудобно, боком. Она ещё посмотрела на него и побежала по коридору.

На вторник назначили совещание у декана по результатам вступительных экзаменов. Приказы о зачислении уже были подписаны и частично объявлены, поступившие счастливицы и счастливицы, найдя себя в списках, радостно прибежали с оригиналами документов. В приёмной комиссии это время так и называлось – «сдача оригиналов».

Маруся, замучившаяся в этой самой комиссии, мечтала только о седьмом числе. Седьмого числа у неё начинался отпуск, и она точно знала, что будет делать!.. Значит, так. Шестого она приедет на работу с сумкой и вечером побежит не домой, а на электричку, и через два часа будет под Егорьевском на даче у тёти. Чтобы не терять ни минуты отпуска! Чтобы седьмого проснуться на террасе, на её любимом ковровом диване, от спинки которого пахнет пылью и сухими цветами, и чтоб в окошко была видна корявая ветка старой яблони с уже розовею-

щими мелкими яблочками, а за веткой лоскут голубого летнего неба. И слышать не грохот и рёв грузовиков на соседней стройке, а как осторожно, чтоб не разбудить её, тётя брякает ручной мойкой на улице – моет к завтраку морковь и позднюю вишню. Чтобы солнце отражалось от бока обливного глиняного кувшина, памятного с детства, в котором стоят на столе флоксы, розовые и белые. Чтобы натянуть старые линялые шорты, мятую футболку, сунуть ноги в шлёпанцы и выйти, позёвывая, на крылечко, облокотиться о перила и смотреть на тётини посадки, яблони, заросли старых, ещё дедушкиных вишен и на лес, начинавшийся сразу за хлипким штакетником. Когда распределяли участки, стали тянуть жребий, и дедушке, который проворонил всю жеребьевку, достался самый плохой – у кромки леса. Так Марусе рассказывала тётя. Бабушка была вне себя от горя – и участок плох, и дедушка не оправдал бабушкиных надежд и подтвердил её худшие опасения, что он совершенно не приспособленный к жизни человек и вообще разиня. Зачем она только в пятьдесят третьем году вышла за него замуж?!

С тех пор минуло много лет, и как-то постепенно стало ясно, что их участок – самый лучший, именно потому, что расположен близко к лесу и озеру и можно открыть калитку, выйти на поляну и собирать землянику!

Только дедушка уже умер, и ему невозможно было сказать, что он молодец, добыл для семьи такой прекрасный участок!..

Кроме того – в этом месте мечтаний Маруся всегда вздыхала, – отец останется в городе, и если приедет, то только в пятницу, и она целую неделю, а то и дней десять, ни в чём не будет виновата: ни в том, что каша подгорела, ни в том, что джинсы у неё с дырками, ни в том, что работы много, а денег мало.

– Как ты думаешь, – спросила рядом Даша и захрустела яблоком, – эти или те, с тридцать первой страницы?

– Что?

– Ну, букеты, что!.. Я тебе показывала! Свадебные букеты!.. Вроде эти как-то элегантней, да?..

Даша собиралась замуж – не то чтобы всерьёз, но ожидала предложения от кавалера – и готовилась заранее. Были изучены кипы свадебных журналов, со всех сторон рассмотрены в Интернете платья знаменитостей, со шлейфами и без шлейфов, декольтированные, усыпанные жемчугами и бриллиантами, и строгие, прямые, из благородного атласа – они назывались почему-то «лаконичные». Образцы декорирования шатров и бальных залов, сервировки стола «жениха и невесты», а также «родителей и друзей» были подвергнуты критическому анализу и подробнейшему разбору.

Маруся иногда думала, что Даша вместе с предложением должна получить миллионное наследство, ибо всё, что изучалось, с тем чтобы «взять на вооружение», стоило не просто огромных, а прямо-таки бешеных денег!.. Знаменитости в журналах и в Интернете нисколько не скрывали ухлопанных на свадебное действо сумм. Платье в триста тысяч евро считалось удачным приобретением – не слишком дорого и вполне пристойно.

Маруся старательно пыталась понять, что именно в платье может стоять таких денег, никак не понимала и огорчалась, что она такая тупая и неразвитая девушка.

– Марусь, ну чего ты? Какие лучше?

– Да они все красивые.

– Ой, ну вот эти аляпистые очень!

– Аляповатые, – машинально поправила Маруся.

Даша на секунду оторвалась от журнала и взглянула на неё.

– Ты какая-то сама не своя. Всё из-за этого покойника в планетарии, да?

Маруся пожала плечами. Они разбирали по папкам и скрепляли личные дела поступивших, и невозможно было представить себе более мутной и скучной работы!.. Маруся всё

время думала о другом, а Даша то и дело отвлекалась на журналы и яблоки. До совещания у декана хорошо бы скрепить ещё десятка два дел, и понятно было, что они не успеют.

– Понимаешь, – сказала Маруся и вложила в папку сочинение, – я никак не могу осознать, что произошло. Ну, мы были в этом зале со звёздным небом минут, скажем, двадцать. Кстати, это просто установить, у них там сеансы, они идут все по расписанию! Ну, ещё ждали, пока начнётся. Почему он не ушёл? Он же собирался уйти! Он сказал, что уже поздно и Вселенная вот-вот погибнет, нужно бежать и спасаться.

– Да-а, – протянула Даша. – А вот мне не везёт никогда! Никаких со мной не бывает приключений! Что такое?

– Какое же это приключение, – сказала Маруся неискренне, потому что была совершенно уверена, что как раз приключение. – Человек взял и помер! Главное, понимаешь, он был совершенно нормальный! То есть, наоборот, он был ненормальный, конечно, но на вид абсолютно здоровый!.. Ну, то есть больной, конечно, но не в том смысле!..

– А Гриша что говорит?

– При чём тут Гриша!

Маруся знала, что Даше хочется, чтоб Гриша перекочевал из «друзей детства» в «кавалеры», и тогда у Маруси тоже появился бы жених – в двадцать четыре года давно пора! Такой жених, по Дашиным представлениям о жизни, Марусе очень подошёл бы – добрый, бестолковый, свой во всех отношениях и, главное, совсем не такой активный и перспективный, как у неё, Даши. Она любила подругу и от всей души желала ей счастья, но такого, которое бы наверняка, с гарантией, не затмило бы её, Дашиного, ожидаемого счастья.

– Марусь, так бывает. Живёт человек, живёт, а потом – раз, и всё, умер. Тем более, ты говоришь, он волновался сильно, когда что-то там про конец света кричал!.. Вот его удар и хватил.

– Не знаю, – протянула Маруся с сомнением. – Может, и так. Только его напарник куда-то делся, я его потом не видела, когда полиция приехала. Да и не похоже, что удар уфолога хватил. Похоже, что он просто сел на диванчик и умер. Или... или... что его мёртвого посадили.

– Да ну тебя, – сердито сказала Даша и опять уставилась в журнал, подвинув папку с личным делом, – какие-то ужасы рассказываешь.

– Девушки, – раздался рядом весёлый голос, и обе разом подняли головы. – Наверняка вы хотите кофе, просто мечтаете о нём! И вот он, кофе!

Антон в белых льняных брюках, голубой свободной рубашке, расстёгнутой на одну пуговицу ниже, чем положено «в учреждении», в тёмных очках, с каким-то немыслимым портфелем, болтавшимся на длинном ремне, поставил перед ними картонную штуку с двумя высокими стаканами в ячейках. От стаканов резко и вкусно запахло кофе.

– Привет, – неуверенно сказала Маруся.

– Здравствуйте, – пробормотала Даша.

Антон сдёрнул очки и, смеясь глазами, потянулся через стол с личными делами и чмокнул Марусю в щёчку. Даша вытаращила глаза.

– А я приехал на совещание! – Он скинул с плеча портфель, уселся на канцелярский стул, предназначенный для поступивших, и вытянул длинные ноги. – Как говорится, правила одинаковы для всех, хотя ничего мне так не хотелось, как манкировать!.. У меня в офисе работы – во, – и загорелой узкой рукой он показал куда-то вверх. – Я же в отпуск собираюсь ещё раз свалить! Кто знает, что именно на повестке дня?

Маруся, улыбаясь, вытащила стакан и понюхала. Ах, как вкусно пахнет!.. Нет ничего в мире вкуснее запаха кофе. И ещё, пожалуй, земляники. Землянику и кофе можно нюхать всю жизнь.

Даша беспомощно посмотрела на неё, а потом на Антона.

– Так... говорили же... по поводу нового набора, кажется...

– Я читаю лекции на третьем курсе, – пожаловался Антон весело. – Вот какое мне может быть дело до нового набора, а? Лучше б я на роликах катался или ещё раз пошёл в планетарий! Там классно, всех убивают!..

– Вы вместе были?! В планетарии?! – совсем уж потерялась Даша. – И ты мне ничего не сказала?!

Маруся поняла, что оправдываться теперь ей придётся долго и вряд ли Даша до конца её простит.

– Мой фильм под названием «Спасайтесь! Планета гибнет!» имел шумный успех, – продолжал Антон. – Нет, ну так бывает, а?.. Чувак произносит пламенную речь о нашествии пришельцев и крахе цивилизации! И тут же сам отдаёт концы в коридоре. Вот ирония судьбы, а?..

– Между прочим, ваша подруга, – произнесла Даша с выражением, – считает его смерть подозрительной! А вы... как считаете, Антон?..

– О да, конечно, – согласился Антон с энтузиазмом, – разумеется, она подозрительна!.. Я думаю, ему сделали инъекцию смертельно опасного яда! А возможно, даже убили на расстоянии. С орбиты. Точечным лазерным воздействием!

– Как? – не поняла Даша.

Маруся аккуратно глотнула кофе.

– А так! Пришельцы следили за ним, поняли, что он может их выдать, и убили. Это очень просто.

– Вы шутите, – сказала Даша. – Вы ведь шутите?..

– Я серьёзен, как слон, – возразил юрист, приложив руку к сердцу. – Говорят, слоны очень злопамятны и у них нет никакого чувства юмора.

– И всё-таки это странно, – сказала Маруся. – Он совершенно не походил на умирающего! Ты же его снимал, он был очень бодрый! И потом, что он делал всё время, пока мы смотрели на звёзды? Почему он не ушёл? Он же собирался уходить. В залах мы его больше не видели. Он что, сидел всё время на этой самой банкетке, уже мёртвый, и никто не обратил на него внимания?..

– Ого, – Антон подмигнул Даше, как бы приглашая её разделить его удивление, – да вы, оказывается, сыщица, мадемуазель?

– Мадемуазель Куку, – пробормотала Даша себе под нос. И добавила громко: – А вы не знали, да? Наша Маруся о-бо-жа-ет детективные истории! И всё время в них попадает! Вот я ни-ког-да ни в какие истории не попадаю, а она – то и дело!..

– Приключения манят? – осведомился Антон. – Меня тоже! Я очень люблю разные приключения!

– Вы просто прекрасная пара! – провозгласила Даша и поднялась, очень сердитая. – Мне нужно позвонить Павлику, он сегодня за мной заезжает. Я минут через десять вернусь.

– Какая деликатность, – продолжал развлекаться Антон. – Я нарушил ваш тет-а-тет, да? И она рассердилась?

– Какой тет-а-тет! Вон, дела скрепляем!

– А ты что? Решила затеять частное расследование?

Маруся посмотрела на него.

Неожиданно оказалось, что у него удивительные глаза, ореховые, светлые, с золотистыми точками.

Она вдруг стала красной как рак, приткнула на край стола стаканчик с кофе, завозилась, зашелестела делами, двойной перегнутый листок спланировал на пол, она нагнулась, чтобы поднять, но Антон опередил её. Под столом они столкнулись руками и почти что носами, Маруся отпрянула, выпрямилась, и Антон протянул ей листок. За несколько секунд под столом они вдруг стали ближе и понятней друг другу, и это было очень радостно и немного опасно.

– Ты в самом деле леди-детектив?

– Ну, нет, конечно! Хотя... иногда я...

– Иногда что?

Маруся вздохнула. Ей стало неловко, как будто она должна была признаться в ужасной глупости.

– Иногда я... нахожу вещи, которые пропали, понимаешь? У нас в прошлом году у Марьи Константиновны пропал жемчуг, очень... дорогой, а я...

– А ты нашла?

Маруся кивнула.

– А однажды я к ученику поехала, мне конверт дали, а там вместо денег...

– Что? – быстро, усмехнувшись, спросил Антон. – Признание в любви?

– Почти что, – согласилась Маруся и не стала рассказывать дальше.

Мало ли, может быть, он станет над ней смеяться, а эти крохотные расследования составляли едва ли не главный её жизненный интерес.

– И что? Сыщицкое чутьё говорит тебе, что наш чокнутый уфолог был злокозненно убит?

Маруся пожала плечами.

– А кто это замуж собирается? – Антон подхватил со стола журнал и одним движением перелистал. – Ты?.. «Выходите замуж летом, это самое красивое время года. Конечно, ночи летом коротки, зато за длинный летний день можно многое успеть!.. Свадьба летом – это белые шатры на изумрудной траве и игривые женские шляпки!» – процитировал он с чувством. – Почему в таких пассажах трава всегда изумрудная?

– А какая? – спросила Маруся.

Он покрутил журналом.

– Ну, не знаю. Малахитовая, например. Тоже камень и тоже зелёный. Зато не так избито.

Маруся вдруг решила – должно быть, из-за того, что они столкнулись под столом ногами и руками. Если бы не столкнулись, она бы ни за что не отважилась, а тут...

– Антон, – сказала она, – а что ты делаешь после совещания?

Он поднял одну бровь, у него так ловко это получалось!..

– Я просто... подумала, может, мы кофе где-нибудь выпьем? И поговорим про... планетарий и про труп...

– А ты ещё не напилась кофе? – осведомился он насмешливо и покачал из стороны в сторону её остывший бумажный стакан. – Нет, Марин, ты извини, у меня сегодня свидание, я не могу. В следующий раз, ладно?

– Ну конечно! – с энтузиазмом воскликнула Маруся, как будто он сказал ей нечто очень приятное. Нет, словно он сам пригласил её на кофе! – Разумеется.

Антон поднял с пола свой портфель, ещё посидел секунду, словно хотел что-то добавить, и поднялся, очень высокий и очень интересный молодой мужчина.

– Увидимся, – сказал он как-то очень интимно и ушёл, а Маруся осталась.

Она скрепляла бумаги, глядя исключительно в папки и на свои руки, когда вернулась Даша и спросила, как дела. Маруся сказала, что прекрасно.

– Почему ты мне ничего не рассказала? – заговорила Даша сердито, двигая стулом. – Что у вас свидание было, что ты в этот чертов планетарий с Антоном таскалась?

– У нас не было никакого свидания!

– Ну конечно! Вы случайно встретились на улице!

– Даша, так и было, – Маруся подняла на неё глаза. – Мы случайно встретились на улице.

– Вот я тебе как подруге всегда всё рассказываю, а ты мне?.. Или я тебе не подруга, а посторонний человек вроде Марьи Константиновны?!

Маруся продолжала складывать в папку документы.

– И главное, даже в Инстаграм ничего не выложила, ни одной фотографии! Тихушница!

Маруся замерла и посмотрела на Дашу.

– Фотография! – воскликнула она. – Как же я забыла?! Там была бумажка скомканная, я её подняла и сунула в сумку.

Маруся повернулась, зашарила по спинке стула и втащила на колени сумку, синюю, увесистую, рабочую.

– Нет, я была с другой!.. Как же я забыла!

– Какая фотография, а? Что ты мне голову морочишь?

– Там, где я нашла труп, под банкеткой валялась бумажка скомканная. Я её подобрала, и оказалось, что это фотография, только она в другой сумке осталась.

Даша потеряла всякий интерес к фотографии, как только поняла, что на ней не Маруся с Антоном. Решив не обижаться, а лучше узнать, как подруге удалось подцепить такого завидного мужчину, Даша принялась расспрашивать Марусю о воскресном походе в планетарий именно в смысле кавалера, но не тут-то было. Маруся сказала, что ей срочно нужно позвонить Грише, и Даша надулась уже всерьёз. Вот тебе и подруга!.. Вся дружба врозь получается, как только дело доходит до потенциальных женихов, да?!

– Да ну тебя, – пробормотала Маруся, когда Даша перестала возмущаться. – Какие женихи, что ты говоришь?..

В телефоне длинно гудело. Гриша трубку не брал – такое с ним часто бывало. На работе он был страшно занят своей наукой и ни на что не обращал внимания. Маруся написала ему эсэмэску, чтобы позвонил. До совещания осталось всего ничего, а неразобранных личных дел – почти до потолка, придётся завтра к восьми утра приезжать!

...И до седьмого числа так далеко. И Антон... отказал ей. У него свидание.

Как стыдно. Какой плохой сегодня день.

Погремев ключами, Маруся открыла дверь, плюхнула на полку тяжеленную сумку и громко сказала:

– Па-ап, привет, я приехала!

И прислушалась.

Телевизор громко и сердито что-то вещал: должно быть, отец смотрит «Хронику происшествий». Маруся такого рода передачи терпеть не могла, а папа всегда смотрел их по очереди на всех каналах. Маруся не могла взять в толк зачем. Они все рассказывали и показывали одно и то же, и всё какие-то ужасы.

Она сунула ноги в тапки, посмотрелась в зеркало – ничего хорошего оно не показывало: бледная невыразительная девица в синих брюках и белой рубашке, волосы собраны в унылый хвостик. Маруся потрогала хвост и переложила так и сяк, с плеча на плечо. Ей давно хотелось подстричься покороче, но она всё не решалась. Да и папа рассердится!.. Даже когда она просто делала в салоне укладку, он высказывался в том смысле, что дочь не узнать, что без укладки она была «нормальным человеком», а теперь стала «как все», и кудри ей совершенно не идут, ибо выглядят «неестественно», и всё в таком духе.

– Что так поздно? – спросил Сергей Витальевич, появляясь на пороге комнаты. Телевизор всё продолжал разоряться.

– Работы много. Приказы о зачислении вышли, мы обзваниваем всех, чтобы приносили оригиналы документов.

Отец постоял, потом фыркнул и сказал, что эта новая метода зачисления в вузы – глупость и больше ничего, и велел Марусе идти ужинать.

Она поплелась ужинать. Ей хотелось есть, но вчерашние фаршированные перцы надоели страшно!.. Сейчас бы, например, креветок на льду и бокал шардоне. Или цыплёнка табака с зелёным салатом и горкой дикого риса. Или...

– Ты чего такая кислая?

– Нет, нет, всё в порядке.

– Лидка звонила, – объявил отец, накладывая в тарелку скучный перец, – ждёт не дожётся, когда ты приедешь.

Лидкой он звал сестру, Марусину тётю.

– Хватит, пап, мне не хочется.

– Как это так, не хочется!.. После работы нужно поужинать. Не наедаться, конечно, до отвала, но поесть необходимо! А утром плотный завтрак.

Маруся знала все его теории и привычно соглашалась, не рассказывать же ему про цыплёнка и шардоне!

Она задумчиво подцепила с тарелки кусочек фарша и отправила в рот. Скорей бы отпуск!..

Отец взял с холодильника пульт и включил телевизор, «Хронику происшествий». Маруся тихонько вздохнула и раскопала вилкой ещё немного фарша.

– ...астрономы зафиксировали приближение к Земле группы неизвестных небесных тел, – сообщил с экрана суровый молодой человек в пиджаке. Маруся замерла, не донеся вилку до рта. – Расстояние до них измеряется в несколько десятков световых лет, по космическим меркам это сравнительно немного. Прокомментировать ситуацию мы попросили академика РАН Михаила Николаевича Воскресенского.

– Воскресенского?! – вскрикнула Маруся и уронила вилку. Отец посмотрел на неё с изумлением.

На экране появился другой человек в пиджаке, несколько постарше, вид у него был недовольный.

– Сейчас нельзя сказать ничего определённого о характере и происхождении объектов, – неприятно щурясь, заговорил он. – Делать какие-либо выводы рано, слишком мало данных. Наши орбитальные телескопы пока ничего подобного не фиксируют.

– Тем не менее, – подхватил вновь возникший на экране ведущий, – фотографии облетели весь Интернет и за сегодняшний день стали сенсацией. Многие говорят о реальной, – он сделал ударение на этом слове, – угрозе из космоса. Будем ждать дальнейших сообщений.

Маруся вскочила и помчалась за своим телефоном.

– Ты что? С ума сошла?! Остынет всё!..

– Сейчас, сейчас, пап!

Гриша долго не отвечал, а когда ответил, ей показалось, что он спал.

– Гриш, – затараторила Маруся, – ты телевизор смотришь?

– Не-а.

– Гриш, там сейчас выступал академик Воскресенский, он сказал о какой-то угрозе из космоса, и ещё фотографию показали с объектами, а это та самая, которую я с пола подняла!.. Ну, когда... – она оглянулась на дверь в кухню, – когда мы в планетарий ходили!..

– А-а-а, – зевнул Гриша. – Маруська, я ничего не понял.

– Гриш, очнись! Помнишь, уфолог тогда говорил, что какой-то Воскресенский украл у него открытие? Уфолог открыл угрозу из космоса и вопил, что это армия вторжения!

– Он ненормальный.

– Гриша! – крикнула Маруся не слишком громко и оглянулась на дверь кухни. – Послушай меня! Сейчас академик Воскресенский сказал, что делать выводы рано и всё в этом духе! То есть такой академик на самом деле существует! И его по телевизору показывают.

Гриша молчал.

– И ещё, – продолжала Маруся, – сказали, что какие-то объекты на самом деле приближаются к Земле! Ты посмотри Интернет! Там фотография объектов, и у меня в сумке точно такая же. Уфолог нам её показывал! Получается, он не сумасшедший, да? И он действительно что-то открыл?! И человечеству угрожает опасность?

– Подожди, Маруська, – перебил Гриша. – Я сейчас посмотрю этот твой Интернет. Странная какая-то история.

– Вот именно! Давай смотри и звони мне!..

Гриша позвонил минут через двадцать, очень удивлённый. Так и есть, сказал он. К Земле приближаются какие-то объекты, академик Воскресенский мямлит нечто невразумительное, вроде нет никаких объектов, а может, и есть. Ждут официальных сообщений.

– Ахинея это всё, Марусь.

– Человек умер, а ты говоришь – ахинея.

– Да он сам по себе умер, и все дела!..

– Откуда ты знаешь? – тут же спросила Маруся, и Гриша вынужден был согласиться, что не знает. – Мы должны всё выяснить, – продолжала она. – Ты куда визитные карточки дел? Помнишь, тот, второй, тебе давал?

– Никуда не дел. В джинсах, наверное, остались.

– Значит, так, – распорядилась Маруся. – Завтра утром встречаемся у метро. В полвосьмого. Нет, лучше минут в двадцать!.. И всё решим.

Гриша моментально согласился – он всегда соглашался встретиться с Марусей.

Приключение разворачивалось и захватывало её, а всякие приключения, пусть наполовину придуманные, составляли её главный жизненный интерес! Когда она могла придумать себе приключение, сразу неважным становилось всё остальное – скучная жизнь, трудная работа, недовольство отца. Сейчас Марусе просто необходимо было приключение, чтобы не вспоминать, как Антон отказал ей, когда она пригласила его на свидание. Когда она вспоминала об этом, щёки у неё начинали тяжело гореть и хотелось забежать в какое-нибудь тёмное место, закрыться на замок и не выходить – так становилось стыдно.

Выскочив из троллейбуса, Маруся завертела головой. Толпа вваливалась в разъявленную пасть метро и исчезала, как будто невидимая воронка засасывала людей. Здесь, на Земле, утро было в самом разгаре, и, словно предчувствуя большую жару, по проспекту в ряд шли оранжевые поливальные машины. За ними разворачивалось сверкающее под солнцем мокрое асфальтовое полотно, и пахло свежестью, чистой водой и немного бензином – приятно. И было странно и непонятно, для чего люди ломаются в высоченные и широченные двери и исчезают за ними – как будто навсегда.

– Маруська!

Гриша протолкался к ней поперёк людского потока. Маруся взглянула, и он вдруг ей понравился – или это утро прекрасное, а Гриша ни при чём?.. Он был в белой футболке и джинсах, свисающих с худосочной задницы, на плече рюкзак – очень даже ничего!..

– Я рад тебя видеть, – сказал он и немедленно потянул у неё из рук сумку. Марусе пришлось её отдать.

– Ну? Что?

– Что? – не понял Гриша.

– Ты позвонил тому типу, который был с уфологом? У тебя же есть его телефон на визитке!

– Зачем?!

– Как, Гриша?! Мы должны узнать всё про уфолога!.. Какое именно открытие он сделал, что у него украл академик Воскресенский и, главное, когда и зачем!

– Вот именно, – сказал Гриша весело, – зачем нам всё это узнавать, Марусечка?..

– Да ну тебя, – рассердилась она, – что такое? Интересно же!..

– Ах, в этом смысле.

– Да, именно в этом, Гришенька!

– Ну, я могу ему позвонить хоть сейчас. – Он перевесил на другое плечо Марусину сумку, полез в задний карман и извлёк картонный прямоугольничек. – И что я должен у него спросить?

Она подумала немного.

– Лучше всего договорись с ним о встрече. На сегодня, на вечер. Скажи, что ты корреспондент газеты «Супер Стар» и хочешь расспросить его о событиях в космосе. Мол, узнал о них из новостей и вспомнил, что как раз накануне познакомился со специалистом, то есть с ним, в планетарии!

Гриша фыркнул и покрутил головой:

– Какой он специалист, Марусь? Недоумок какой-то...

– Гриша! Объекты в космосе есть? Есть! Академик Воскресенский есть? Есть!.. И главное – есть труп!..

– А газета такая существует?

– Какая газета? – не поняла Маруся.

Гриша скорчил ей гримасу. Он держал телефон плечом и рылся в рюкзаке. Он то и дело там рылся, всё проверял, на месте ли ключи от дома, записная книжка, ручки... Маруся эту его привычку терпеть не могла!..

Когда ответили, Гриша зашёл за ларёк «Мороженое» и махнул Марусе рукой, чтоб она за ним не ходила и не слушала. Она изучала выставленные в витрине полинявшие бумажки от эскимо и пломбир – довольно долго, – а потом Гриша вылез из-за ларька и сказал, что обо всём договорился.

– Смотри, – он сунул ей под нос визитку. – Тут написано: Игнат Васильченко, контактёр, экстрасенсорика, биокинетика.

– Я вижу, ну и что?

– Марусь, ты хочешь о чём-то расспрашивать человека, который называет себя «контактёр»? И надеешься, что он будет осмысленно отвечать? Давай я тебе лучше мороженого куплю.

– Мороженого нету, – вдруг сказали из ларька громко, и высунулось румяное щекастое лицо. – Машина не приходила ещё. Лимонаду могу дать, холодный!..

Маруся взяла себе «Тархун», а Гриша «Буратино». Стекланные бутылочки были увесистые и на самом деле холодные, приятные.

– Давай я тебе открою.

– Ишь, как он за ней ухаживает! – прокомментировали из ларька. – Сама не откроет!.. Смотри не упусти парня-то, слышишь, красавица?..

Маруся исподлобья посмотрела на тётку, пожала плечами и за локоть утащила Гришу в сторонку.

– Что он тебе сказал, этот Игнат?

– Он будет нас ждать сегодня к семи часам по адресу: Петровский переулок, дом девять, строение пять. Там у него штаб-квартира!.. Между прочим, место неплохое – самый центр, центрее не бывает.

– Прекрасно! – возликовала Маруся. – Значит, ты за мной заезжай, и мы вместе пойдём!

Гриша длинно глотнул своего «Буратино», икнул и смутился. Маруся потянула у него с плеча свою сумку.

– Всё, я побегу!.. До вечера.

Он проводил её глазами и грустно сказал себе под нос:

– До вечера.

В Петровском переулке было тихо и немногочисленно – как будто в уездном городе, а не в самом центре Москвы, дышащей асфальтовым жаром, пылающей отражённым солнцем в окнах, ревущей раскалёнными добела, как в доменной печи, автомобилями. Здесь было даже

как будто немного прохладнее, или так казалось, потому что Маруся с Гришей шли по теневой стороне.

– Смотри, вон дом девять.

– Нам же нужно какое-то там строение!

Строение пять никак не находилось, а спросить было не у кого – все подъезды солидных особняков заперты, казалось, навечно, закрыты чугунные ворота, за которыми виднелись крохотные, ухоженные московские дворики с цветами и липами.

– Наверное, здесь хорошо жить, – сказала Маруся, разглядывая дворик сквозь чугунные завитушки. – Уютно.

– Это точно, – хмыкнул Гриша. – Москва – город контрастов.

– При чём здесь контрасты?!

– Да вроде город один и тот же. Где мы с тобой живём, и вот... этот. – Он что-то изучал в телефоне и подбородком показал на ворота. – А какая разница, замечаешь?.. Так, нам нужен следующий дом. За ним, по идее, и есть строение пять, про крайней мере, Яндекс это утверждает.

Каменная арка была перекрыта шлагбаумом. Гриша шлагбаум ловко перепрыгнул, а Маруся подлезла под него, очень неловко. В квадратном дворе дремало несколько машин, не слишком много, под каштанами была оборудована детская площадка с песочницей, там ковырялся карапуз в панаме и стояли лавочки, обыкновенные московские лавочки с изогнутыми спинками. Скамейки привели Марусю в восторг и умиление.

– Гриш, смотри, какая красота!

– Где?.. А, да, красота. Нам, видимо, тот подъезд нужен, вон вывески какие-то.

Организация под звучным названием НТО «Прогрессив-лайф» располагалась на третьем этаже. В подъезде было солнечно и просторно – широкие лестницы, высокие потолки, каждый шаг отдавался от стен и пропадал где-то в вышине.

– Люблю старые дома, – сказала Маруся и незаметно промокнула лоб бумажным платочком. Лестничные марши были крутые, а в подъезде жарко. – И лифты с клетками! Как в кино!..

– Интересно, кто за всю эту старину платит, – пробормотал Гриша. – Сколько здесь может стоить аренда? Миллион? Или два?.. Откуда деньги, хотелось бы мне знать...

– Сейчас всё узнаем, – пообещала Маруся.

Мелодичные и какие-то очень солидные переливы домофона раздались за толстыми стенами, когда Маруся нажала кнопку, и через некоторое время в дверном проёме возник Игнат Васильченко.

– Я так и знал, что вы журналисты, – хмуро сказал он, не здороваясь. – У меня на вашего брата нюх.

Маруся дёрнула за футболку Гришу, явно намеревавшегося возразить.

– Мы хотели поговорить с вами про... Юрия Фёдоровича и его открытие, – начала она и понизила голос, – в свете последних событий.

– Вот именно, – зловеще сопнув носом, кивнул Игнат. – Эти события вполне могут стать последними для человечества. А его никто не слушал!.. Ну, кроме Воскресенского, конечно! Он-то всё сразу понял!..

– Вот-вот, и про академика Воскресенского тоже!

По всей видимости, помещение НТО «Прогрессив-лайф» было когда-то просторной квартирой. Из полутёмного коридора несколько двустворчатых дверей вели в комнаты, но Игнат пригласил их на бывшую кухню. Здесь стоял большой, как для переговоров, стол, стены были увешаны плакатами с изображением летающих тарелок и странных угловатых существ с печальными глазами. У некоторых глаз было больше, чем положено, три или четыре, а у других, наоборот, по одному.

– Меня зовут Марина, – заторопилась Маруся, чтобы опередить Гришу, который, судя по выражению лица, собирался выразить своё отношение к плакатам. – И наша газета...

– «Супер Стар»? Вы же вроде про знаменитостей пишете! Сколько мы вам пресс-релизов посылали – никакого ответа, никогда!

– Да, – проблеяла Маруся, – но сейчас мы решили, то есть наше руководство решило, что пора дать большой и серьёзный материал о... Вселенной, и вообще...

– О законах природы, – пришёл на помощь Гриша. – Это сейчас модно – казаться умнее, чем есть на самом деле.

Игнат посмотрел на него с сомнением.

– А ваша организация только здесь располагается или есть... филиалы? – спросил Гриша.

– Да нет, здесь просто офис! А так мы работаем по всей России. На Алтае – там очень хорошие условия, активное гиперполе и есть опытные контактеры. Потом на Урале, в Екатеринбурге, – там тоже наших много. В Краснодарском крае, на Кавказе...

– Какая у вас могучая организация, – восхитился Гриша. – И что же? Вы многих знаете лично?

– Кого? – не понял Игнат.

– Инопланетян.

Игнат помолчал.

– А вы как все, да? Верите только в двигатель внутреннего сгорания и в капитализм? – спросил контактер.

– В двигатель больше, – ответил Гриша быстро. – В капитализм меньше, ибо не понимаю, как он устроен. А как устроен двигатель – понимаю.

– Тогда зачем вам я? Идите к Воскресенскому, он тоже ни во что не верит!..

– Нет-нет, нам именно с вами нужно поговорить! – встряла Маруся, делая Грише знаки. – Просто не каждый день узнаёшь о том, что конец мира близок, вот мы и растерялись немного...

Молниеносным движением она выхватила из сумки записную книжку. Там было записано её новое расписание на сентябрь, очень неудобное, каждый день по пять пар, да ещё с какими-то дурацкими «окнами», и ещё много всего, например, что нужно отнести в химчистку пальто. Она открыла чистую страницу и приготовилась записывать.

– Юрий Фёдорович...

Игнат перебил:

– Юрий Фёдорович Басалаев был самый обыкновенный гений. Мы все ещё будем говорить, что жили в эпоху Басалаева! Он Леонардо наших дней! Его гений был совершенно универсален, он видел насквозь не только людей, но и целые миры. Он открыл закон возвращения.

– Какой закон? – уточнил Гриша. Маруся записывала.

– Космического возвращения! Он всё предвидел, всё!.. То, что должно произойти с нашим миром в самое ближайшее время, уже происходило когда-то! Гигантский материк Гондвана раскололся на несколько континентов, потом ледниковый период, да что говорить – Тунгусский метеорит, вот вам ближайший пример!.. Мы погибнем, но нам на смену придёт другая цивилизация, более могущественная и просвещённая.

– Подождите, после Тунгусского метеорита цивилизация не погибла, насколько мне известно...

– Вот именно! – язвительно сказал Игнат. – Насколько вам известно! А что вам известно?.. Вам известно только то, что в определённый день и год в районе Подкаменной Тунгуски произошло нечто совершенно необъяснимое. Заметьте, до сих пор нет никаких версий – ну хоть сколько-нибудь правдоподобных. Всё только какие-то урывки, обрывки!.. А теория возвращения Басалаева всё объясняет!

Маруся строчила в блокноте.

– Согласно его теории произошёл контакт! Этот контакт истребил всё живое на Земле, а нам была предоставлена некая версия событий, в которую мы поверили! Только и всего.

– Нам – это кому? – осторожно уточнил Гриша.

– Человечеству.

– Оно же погибло, – возразил Гриша растерянно. – Согласно теории Басалаева. В момент, когда произошёл контакт!..

– Не-ет, – протянул Игнат убеждённо, – до Тунгусского метеорита и не было никакого человечества, понимаете?! Была другая цивилизации, она строила египетские пирамиды, создавала лабиринты, возводила гигантские статуи на мексиканских плато. А потом они погибли, и им на смену пришли мы, другие разумные. Специально для нас была придумала история человечества в том виде, в каком мы сейчас её знаем. Вот вся эта чепуха – про Древний Китай, про царя Хамурапи, про славян, про Киевскую Русь, про татарское иго!.. Ничего этого не было в действительности, понимаете? Потому что двести лет назад никакого человечества не было!

– Ага, – сказал Гриша и посмотрел на Марусю, а она посмотрела на него, и оба уставились на Игната.

– Понятно, – фыркнул тот. – Не верите. Ну, это дело ваше.

– Нет-нет, – зашепила Маруся, – нам просто трудно осознать, но мы стараемся.

– Вы погибнете, – равнодушно сообщил Игнат. – Вместе с вашим так называемым человечеством, и в самое ближайшее время. А там – хотите верьте, хотите нет. По большому счёту, какая разница!..

– А отчего умер Юрий Фёдорович? – спросила Маруся. – Это известно?

Игнат уставился в пол.

– Как я ненавижу вашего брата, – пробормотал он неприязненно, – вашего брата журналиста!.. Вам же ни до чего дела нет, вам бы только остренькое что-нибудь, жёлтенькое, да? Я вам про вселенские законы, а вам же это ничего не интересно! Ну, умер человек! Нервы у него не выдержали! Воскресенский присвоил его открытие, и Басалаев умер! И что? Ничего вы для своей газетёнки из этого не выжмете, ничего!

– О каком открытии идёт речь? – ласково спросил Гриша и под столом цапнул Марусю за коленку, чтобы молчала и собеседника не раздражала. – Вот этого я не понимаю.

– Да вы ничего не понимаете! – повысил голос Игнат. – Юрий Фёдорович открыл скопление неопознанных летающих объектов на близком расстоянии от Земли! Он их увидел в объективе своего радиотелескопа!.. И мне показал, я своими глазами видел! А Воскресенский воспользовался его доверчивостью. Юрий Фёдорович – доверчивый человек, как все гении!.. Ему и в голову не приходило, что его можно... беспардонно обворовать!

Маруся открыла рот, но Гриша опять схватил её за коленку, и рот она закрыла.

– Он имел глупость рассказать всё Воскресенскому, и вот!.. Теперь академик по всем каналам раздаёт интервью, а Юрий Фёдорович... умер.

– То есть они были знакомы? – уточнил Гриша осторожно. – Басалаев и Воскресенский?..

Игнат махнул рукой куда-то в сторону:

– Знакомы! Они враги давно, много лет!.. А раньше дружили, вон я даже фотографию не убрал! Давно хотел и всё время забываю...

Гриша с Марусей повернулись и посмотрели. На длинном стеллаже и вправду были наставлены какие-то фотографии. Гриша поднялся и взял одну из них.

– Зачем вы трогаете?!

Игнат подскочил и почти вырвал у Гриши из рук снимок в рамке. Выдвинул ящик, бросил в него фото и быстро задвинул, как будто спрятал. Гриша проводил его глазами.

– Я не очень поняла, – начала Маруся. – Вы меня извините, Игнат, но я правда не понимаю! Академик Воскресенский сказал, что это он открыл скопление объектов вблизи Земли, а не Юрий Фёдорович?.. Зачем ему это нужно?.. И откуда он узнал?..

– Да он был здесь! – почти закричал Игнат. – Этот ваш академик!.. Он приходил! Дня за два до смерти Юрия Фёдоровича! Я не знаю, о чём они разговаривали, но Басалаев после его ухода... в общем, он... Он сказал, что Воскресенский его чуть не убил!

– В каком смысле? – осторожно уточнил Гриша.

Игнат схватился за голову.

– В прямом!.. Здесь никого не бывает, народ собирается только после контактов и когда поле спокойно!.. Бумажная работа вся на мне, а Юрий Фёдорович приходил постоянно, потому что ему здесь лучше думается! Думалось то есть! И этот ваш академик его избил! Он его ногами бил! Басалаева!.. А Юрий Фёдорович... он святой, понимаете вы или нет?! Он даже защититься не мог! Я пришёл, а он весь в крови! Этот урод ему нос разбил!

Маруся в волнении приподнялась со стула, а Гриша – видимо, тоже от волнения – подался назад так, что зацепил стеллаж. Тот дрогнул и сдвинулся, ящики повыезжали.

– А в воскресенье этот проклятый фильм!.. И всё стало ясно, всё!.. Воскресенский был здесь, узнал об открытии и... убил его! Может, не в прямом смысле, но Юрий Фёдорович умер из-за него!..

– То есть здесь была драка? – недоверчиво переспросила Маруся. – Академик Воскресенский побил Басалаева?..

– Да! – закричал Игнат. – И присвоил его открытие!.. Юрий Фёдорович посмотрел фильм и всё понял! Он понял, что Воскресенский украл его наблюдения! И тут же умер. От горя.

– А какая теперь разница, чьё именно открытие, если человечество вот-вот погибнет? – вдруг совершенно спокойно спросил Гриша.

Игнат перестал раскачиваться на стуле и посмотрел на него.

– Да вам-то никакой, – сказал он язвительно, – а мне важно, чтобы люди знали, кто первый предупредил их об опасности! А первым был Юрий Фёдорович!..

Некоторое время они с Гришей смотрели друг на друга, как будто оценивали. Потом Гриша поправил на носу очки и попросил пресс-релиз.

– Наверняка он у вас есть, – сказал Гриша. – Вы же говорили, что посылали!.. В журнал... в наш журнал тоже посылали, так ведь?

Игнат вынул из стопки несколько скреплённых листочков.

– И уходите, – он сунул их Грише, почти кинул. – Я не могу больше с вами разговаривать. У меня дел много. Особенно теперь, когда Юрия Фёдоровича нет.

– Мы вам ещё позвоним, – пропищала Маруся, стараясь казаться милой и не слишком тарашить на Игната глаза. – Если придётся что-нибудь уточнить...

Игнат махнул на неё рукой.

– Да уж, – сказал Гриша, когда они выскочили на улицу. В подъезде он не проронил ни слова. – Пойдём, пять минут посидим.

Они перелезли через низенький крашеный заборчик – Гриша поддерживал Марусю под руку – и уселись на лавочку под старой липой. Маруся обнаружила, что до сих пор держит в руке записную книжку, и сунула её в сумку.

Они сидели и молчали, а липа лениво шевелила листьями у них над головой. Было жарко и пахло пылью.

Маруся изнывала, ей очень хотелось поговорить, но Гриша смотрел в сторону. Белая футболка топорщилась на его груди, и Маруся подумала – как странно она топорщится.

– Ну так, – сказал Гриша в конце концов и вытащил из-под футболки фотографию в рамке. Маруся вытаращила глаза. – Вечер перестаёт быть томным.

– Гриш, – пролепетала Маруся, – ты что?..

– Я украл фотографию, – объяснил он спокойно. – А что такое?

– Зачем?!

– Затем, что я ничего не понял! А ты что-нибудь поняла?..

Маруся переводила взгляд с него на фото и обратно.

– Что ты поняла, излагай, – велел он. – Что здесь происходит? С твоей точки зрения?

Выражение «с твоей точки зрения» не сулило ничего хорошего, Маруся это давно знала.

...С твоей точки зрения, это правильный ход? И раз-два-три, шах и мат, ферзь под ударом, король блокирован, партия оказывалась безнадёжной.

...Эту музыку написал Луи Армстронг, с твоей точки зрения?.. И готово дело, три дня они слушают только джаз, и Гриша нудно объясняет, чем один стиль отличается от другого и почему Луи решительно не мог написать ничего подобного!..

– Ну, смотри, – начала Маруся, стараясь говорить объективно и убедительно. – Юрий Фёдорович Басалаев...

– Уфолог, – быстро вставил Гриша.

– Уфолог Басалаев сделал некое открытие. Он увидел...

– В радиотелескоп, – опять встрял Гриша.

– Он увидел в радиотелескоп скопление каких-то неизвестных ранее небесных тел и решил, что они угрожают Земле. Воскресенский узнал об этом и присвоил наблюдения Басалаева, выдал их за свои. Конечно, вряд ли академик его побил, – добавила Маруся, подумав немного, – но зачем-то он сюда приезжал, и, видимо, с Басалаевым они поссорились.

– Кто такой Игнат? – перебил её Гриша.

– Как кто?! Он... помощник Басалаева или сотрудник, в общем, тоже уфолог.

– И он своими глазами наблюдал скопление небесных тел в объективе радиотелескопа?

– Ну да, – подтвердила Маруся. – А что такое?

– Да ничего, – сказал Гриша и стал рассматривать фотографию. – Просто у радиотелескопов не бывает объективов. И человек, который хоть раз в жизни их видел, не может этого не знать.

Маруся уставилась на Гришу.

– Какая-то странная история, – произнёс он наконец. – Ну, очень странная!.. Я даже не знаю, что нам теперь делать.

– А что мы должны делать?

– Я не знаю, – повторил Гриша с силой. Очки его блеснули на солнце. – Ахинею про скопление небесных тел и Апокалипсис мы оставим на потом, хотя... Хотя я думаю, что Апокалипсис тоже имеет какое-то значение, только пока непонятно какое.

– Ты считаешь, что скопления нет?.. – с облегчением спросила Маруся.

Она не хотела верить в скорый конец света и никогда не призналась бы Грише, что всё же немного, самую малость – вот чуточку! – верит, и от этого ей боязно, неудобно и холодно в позвоночнике. Вот сейчас, например, она посмотрела на вечернее небо в прорези веток старой липы и подумала: не хочу, чтобы мы погибли, не хочу, чтобы погибла старая липа!..

– Я не знаю, что именно там есть, а чего нет, я не астроном, – возразил Гриша с досадой. Он не любил, когда Маруся говорила глупости. – Да это вопрос пятнадцатый!.. Первые четырнадцать вопросов: что это за организация? Кто такие Басалаев и Игнат... как его фамилия?

– Васильченко, – подсказала Маруся.

– Кто снимает этот офис и зачем? Откуда у них могут быть деньги на радиотелескопы и офисы на Петровке? Или у них нет и не было никаких телескопов, именно поэтому Игнат и не знает, как они выглядят! С какой стороны тут академик Воскресенский? Зачем он расквасил нос уфологу? С чего они оба, Игнат и Басалаев, взяли, что Воскресенский присвоил какое-то там открытие?!

– Гриш, мы же были на фильме в планетарии! Юрий Фёдорович кричал, что фотографии, которые в фильме показали, украдены у него!.. Что он сам их сделал, лично он и больше никто!

– Тогда, выходит, фильм сделал академик Воскресенский, что ли?! Лично сам и больше никто? – спросил Гриша грубо. – С твоей точки зрения, это возможно?! То есть несколько дней назад академик приехал сюда, поднялся на третий этаж, навалил уфологу, утащил фотографии, смонтировал фильм, пристроил его в планетарий, пригласил Басалаева на просмотр, и тот с горя помер в коридоре возле туалета, так?..

Маруся смотрела на него с изумлением. Гриша раздул ноздри и фыркнул.

Она никогда его таким не видела.

– И фотография эта! – продолжал он. – Сколько лет назад она может быть сделана? Двадцать? Сорок?..

Маруся взяла у него из рук снимок.

На нём стояли двое молодых людей, странно похожих, но в то же время разных. Фотография была старая, выцветшая сверху и снизу, где все краски сливались в неясные жёлто-зелёные полосы. Один одет в зелёную куртку с буквами на кармане – Маруся поднесла снимок к глазам – «ССО», а второй – в клетчатую рубашку. На первый взгляд трудно определить, кто из них уфолог Басалаев, а кто академик Воскресенский.

– Что такое «ССО»? – спросила Маруся, рассматривая фото.

– Студенческий строительный отряд, – буркнул Гриша. – Я знаю, мне отец рассказывал. Тогда студенты на каникулах ездили по всяким стройкам, деньги зарабатывали.

Маруся подумала и стала осторожно отгибать латунные язычки на рамке.

– Что ты делаешь?

– Я хочу её вынуть, – сказала она сосредоточенно.

– Зачем?..

– Затем, что она старая! – объяснила Маруся.

– Старая, и что?

– На таких снимках иногда бывают подписи! У тёти Лиды полно фотографий с подписями!.. – Она отогнула последний язычок и осторожно вынула коричневую картонку. – Например, «Лидочке от М. в последний день каникул, 1975 год».

Гриша заинтересовался и подсунулся поближе. Теперь Маруся чувствовала, как от него пахнет – чистым телом и чуть-чуть шампунем, что ли. Приятно.

Фотография вывалилась ей на колени, она перевернула её, и они оба увидели надпись, сделанную фиолетовыми чернилами.

– «Малаховка, Большая Коммунистическая, день рождения учителя». – Гриша взглянул на неё. – Получается, это школьная фотография?..

– Да не-ет, они тут взрослые уже.

– Значит, был какой-то учитель, и они приезжали к нему в Малаховку на день рождения. Тогда получается, что они вместе учились.

– В школе?

Гриша взял снимок и поизучал его, даже понюхал.

– Слушай, Марусь, я покопаюсь в Интернете. Биография Воскресенского наверняка есть в Википедии, а про Басалаева, скорее всего, всё можно прочитать на их сайте. Адрес сайта есть на визитке. Я покопаюсь, и мы поймём, вместе они учились или нет!..

– Пошли! – Маруся поднялась с лавочки и за рюкзак потянула Гришу. – Поехали к нам, я тебя ужином накормлю, и мы покопаемся вдвоём!

Гриша моментально согласился и ехать, и ужинать. Он всегда соглашался на всё, что предлагала Маруся!

– Осторожно, двери закрываются, следующая станция Томилино, – выговорил голос в динамике, электричка качнулась и пошла, набирая скорость. В это время дня народу в ней было немного, и Грише удалось сразу пристроить Марусю к окошку. Пока поезд шёл по Москве, сам Гриша стоял, потому что сесть было негде, а за городом стало посвободней. Он плюхнулся напротив Маруси, открыл рюкзак и стал копаться, по очереди вынимая и засовывая обратно какие-то вещи – отвратительная привычка!

– Что ты ищешь?

– Проверяю, где ключи от дома. Вроде я их выкладывал. Или нет...

– Они у тебя всегда во внутреннем кармане.

– А! Точно!

Гриша нащупал в рюкзаке ключи, успокоился и молнию закрыл.

Маруся смотрела в окно.

– Я, когда была маленькой, очень любила по этой дороге ездить осенью, – заговорила она. – Уже когда лето кончилось и с дачи в Москву все переехали!.. А мы иногда ездили даже в октябре. Тут всё не так было. Никаких домов огромных, базаров, строительных рынков, ничего. Здесь были тихие дачные станции – Ильинка, Отдых, Кратово. Узенькие платформы, а кругом дачи, сады, яблони. И собаки лаяли. Идёшь со станции к дому, холодно, а папа говорит: сейчас дойдём, печку затопим, картошки наварим! И у нас с собой всегда что-то вкусное было – ветчина в банке или паштет, хлеб свежий.

– А я на электричке ни разу не ездил. Мы всё время на дедушкиной «Волге», – сказал Гриша. – Помнишь ту «Волгу»?

– Конечно!

– А помнишь, как мы её завели и я хотел из ворот выехать? Так шикарно! Это я на тебя хотел впечатление произвести. Мне казалось, я всё умею, что там выезжать-то!.. И въехал левым бортом в забор! Зеркало разбил, придурок!..

– А главное, нам почему-то даже не попало! – подхватила Маруся. Очень весело было вспоминать! – Они нас из машины вытащили и нотацию прочитали, что нельзя трогать чужие вещи, тем более машину, это опасно! А дома мне от папы так влетело, ужас! Он со мной потом три дня не разговаривал. А твои как будто и не заметили ничего.

– Они такие, – сказал Гриша с удовольствием. – Им самое главное, чтобы ребёнок был жив-здоров, в безопасности и сыт! А зеркало дед потом новое привёз, и мы его вместе прикручивали.

– Молодой человек, примите ваши баулы, – раздался сверху недовольный голос. – Разложился, как у себя дома!..

Гриша стянул с сиденья рюкзак, и на освободившееся место плюхнулась чья-то обширная задница. Мест в электричке было полно, но заднице, по всей видимости, хотелось сидеть исключительно на месте Гришиного рюкзака.

– Ты в отпуск в субботу, да? – спросил он.

– Ага.

– Я тебя провожу, – решительно заявил Гриша. – Что ты одна потащишься!

– Спасибо, – прочувствованно сказала Маруся.

С тех пор как Гришины родные продали свой домик, который был по соседству с Марусиным, он старался в посёлке не бывать, и Маруся его понимала.

Жаль, когда в доме детства живут чужие люди. Жалко, что вместо песочницы, где они копались с Марусей – у Гриши было синее жестяное ведро с ромашкой, а у неё красное с солнышком и по совку на брата, – образовалась клумба. Жалко, что бабушкину беседку, в которой столько было выпито чаю с песочным печеньем, столько сыграно партий в лото, столько крыжовника и вишни перебрано на варенье, снесли, залили всё бетоном и ставят там машины.

Очень жаль, и это объясняется взрослыми словами, время идёт, всё меняется, назад не вернёшь.

Не вернёшь, конечно. Да и нынешняя, сегодняшняя жизнь вовсе не хуже прежней, но по той, старой, ушедшей, Гриша всё равно скучал, и Маруся об этом знала.

– Ты можешь у нас переночевать, чтобы в субботу обратно не тащиться! Я тёте Лиде позвоню, она на втором этаже тебе постелет. А в воскресенье утром на речку ходим. Наверное, купаться можно, жара такая стоит!

Речка Северка была быстрой и очень холодной, купались в ней только во время «большой жары», да и то недолго, хотя поселковые ребятишки лезли в воду при любой погоде, и маленькие Гриша с Марусей тоже лезли когда-то – сейчас это даже вообразить невозможно!

– Ну что? Позвонить тёте Лиде? Останешься?

Гриша согласно помычал и покивал. Он опять копался в рюкзаке, что-то искал и, по всей видимости, не находил. Маруся вздохнула и посмотрела в окно, за которым вместо дачных станций простирались индустриальные пейзажи. Пейзажи ей совсем не понравились, и она легонько ткнула Гришу локтём в бок.

– М-м-м?..

– Ты мне расскажи, куда мы едем? К кому? Ты же ничего не объяснил!

– Куда же я его сунул?.. – Гриша ещё покопался и наконец выхватил тюбик с кремом для рук. Зажал рюкзак коленями и стал мазать руки – у него почему-то всегда были цыпки, и зимой и летом, при любой погоде. Он только и делал, что мазал руки, но ничего не помогало.

– Гриш?

– А, так в Малаховку едем, на улицу Большую Коммунистическую. В доме номер три по этой улице живёт профессор Астров Сергей Сергеевич. Вот к нему мы и едем.

– Зачем?

– Может, он нам как-то прояснит ситуацию.

Маруся оскорбилась.

– Что ты загадками-то говоришь?

– Маруся, никаких загадок! Басалаев и Воскресенский учились у этого Астрова. Это было двести лет назад, они институт окончили в девяносто третьем году, ещё при царе.

Маруся быстро прикинула, до какого года в России правил царь, и засмеялась над собой.

– Откуда ты знаешь, у кого они учились?

– Маруся, так для этого и нужен Интернет, а вовсе не для того, чтобы про идиотов ролики снимать, как делает этот твой... юридический мужчина.

– Никакой он не мой!

Гриша покосился на неё. Маруся хоть и смотрела в сторону, но точно знала – покосился.

...Хорошо бы Антон на самом деле был... «её мужчиной»! Наверное, нужно стать совершенно другой, особенной девушкой, чтобы такие, как Антон, приглашали на свидание и в кино, угощали кофе в модных кофейнях, водили на выставки и в парк, где по выходным собираются хипстеры и прочие прекрасные представители буржуазной, ничем не озабоченной молодёжи. Сколько себя Маруся помнила, столько была чем-то серьёзно озабочена. Должно быть, она и родилась с озабоченным неулыбчивым выражением сморщенного, красного личика!

...Или она не такой родилась?..

– Воскресенский в интервью часто говорит про Астрова!.. Считает его своим учителем. Очень уважает. У нас в универе тоже, между прочим, отличные профессора были!.. Ну вот. А в списках окончивших МФТИ в девяносто третьем году значатся и Воскресенский, и Басалаев. Совершенно точно они вместе учились. Я позвонил на кафедру, наговорил им сто бочек арестантов, мол, мне нужно профессору Астрову монографию показать. Что вы, говорят, Сергей Сергеевич сейчас на даче в Малаховке, лето же. И дали точный адрес. Вот и всё, никаких чудес, пси-поля и ку-мезонов!..

– Понятно, – пробормотала Маруся. – Я и не знала, что ты такой ловкий.

– Я сообразительный, – поправил Гриша.

– А мы и профессору этому тоже скажем, что мы из журнала «Супер Стар», да?

Гриша хрюкнул – он иногда так смеялся, с хрюканьем.

– Боюсь, его на такие штуки не возьмёшь! Там посмотрим, что сказать, Маруся. Втравил ты меня в историю, надо же...

– Ничего я тебя не травил! Если тебе неинтересно, можешь мне не помогать!

– Да мне как раз интересно! – энергично возразил сообразительный Гриша, не сообразив, что она обиделась. – Я как раз в этом смысле!..

Они вышли на станции Малаховка, миновали заплёванный перрон, уставленный туристическими столиками, за которыми гости с юга и личности бомжеватого вида торговали сборниками кроссвордов, брошюрами с правилами дорожного движения и рецептами засолки огурцов, а также почему-то привядшими бурыми апельсинами и разноцветными надутыми кругами для купания.

– Гриш, а помнишь, у нас был тигр Васька? Тоже надутый! Жёлтый такой, полосатый! Мы на нём в Северке плавали!

– Знатный был тигр! Только он потом лопнул. Мы на него прыгали, и он лопнул.

– Ну и что? Твой дед его починил.

– Тигр всё равно спускал немного. Мы его то и дело поддували!

– Но всё-таки плавали!

Они посмотрели друг на друга. Тигр Васька – это было такое воспоминание, лучше которого и на свете нет!

– Нам куда, на ту сторону или на эту?..

– Дачи, по идее, на той стороне, Маруся. На этой рынок был, а дальше шоссе. Помнишь, какой тут был рынок? Дед однажды тулуп купил, самый настоящий, ямщицкий. Внутри шерсть козлиная. Мне страшно нравилось, как она пахла. А бабушка ужасалась, что воняет козлом, и вешала его на мороз, чтоб выветрился немного.

– Как мы станем искать эту Коммунистическую, Гриш?..

Сначала они попробовали искать при помощи техники и мирового разума. Гриша включил в своём телефоне навигатор, и тот некоторое время путал их и обманывал. Они шли по пыльным поселковым улицам, поворачивали то налево, то направо, утыкались в заборы и, сталкиваясь потными лбами, смотрели в мутный захватанный экранчик.

– Да нет, нужно было там прямо, а следующим направо! Вон Большая Коммунистическая!

– Это не то! Видишь написано «пер.», что значит переулок.

– Большой Коммунистический переулок?

– Ну да. А улица совсем в другой стороне!

За заборами время от времени взлаивали одуревшие от зноя собаки, ветки старых яблонь нависали над серым от лишайника штaketником, где-то в отдалении играла музыка, сосны стояли не шелхнувшись, и пахло пылью, смолой, цветами.

Гриша выключил навигатор, сунул телефон в карман, и они продолжили искать улицу при помощи бабушек и случайных прохожих. Дело сразу пошло веселее, и вскоре они выбрались на широкую улицу, где дома стояли просторно, в плотных кустах гудели пчелы, а в отдалении блеяла коза, привязанная к колышку.

– Гриш, – сказала Маруся и оглянулась по сторонам, – что-то мне... страшно. Тут нет никого...

– Да ладно! Профессор Астров нам ничем не угрожает, это уж точно.

– Гриш, но ведь нехорошо – мы его не знаем и собираемся расспрашивать о бывшем ученике, который какой-то странной смертью умер...

– Взбодрись! – велел Гриша. Пот блестел у него на верхней губе, уж очень было жарко, и в неподвижном воздухе ни ветерка, ни дуновения. – И потом, ты же мадам Пуаро. Сама всё затеяла.

Это Маруся и без него знала, но ей хотелось, чтоб он её успокоил, а Гриша, как обычно, ничего не понял.

...Если бы она была другой, «особенной» девушкой и за ней ухаживал бы Антон, то наверняка всё было бы по-другому. Кавалер улавливал бы любые «оттенки её настроения» – так это называлось в глянцевого журналах в рубрике «Советы психолога» – и знал бы, когда нужно утешить, когда пошутить, а когда защитить от неведомых опасностей. Всё было бы по-другому, не так, как с Гришей.

Впрочем, это глупости. Гриша ведь за ней не ухаживает. Он просто старый друг, и они вместе плавали когда-то на надувном тигре по имени Васёк в речке под названием Северка.

Никакого звонка на калитке не было, и, потоптавшись некоторое время, Гриша просунул руку в щель, что-то там такое повернул, и, скрипнув, калитка отворилась.

– Добрый день! – громко прокричал Гриша и прислушался. – Можно войти?! Хозяева дома?!

С той стороны забора не доносилось никаких звуков, свидетельствующих о том, что хозяева дома. В зарослях люпинов гудели пчёлки, и где-то далеко равномерно стучал молоток.

Гриша постоял, подумал, ещё раз воззвал к хозяевам, а потом решительно двинулся на участок.

– Гриш, подожди, – переполошилась Маруся. – Туда нельзя, может, там нет никого!

– Вот именно.

И пропал за кустами сирени. Маруся постояла-постояла, оглянулась по сторонам – коза издали смотрела на неё с явным подозрением – и осторожно зашла в калитку.

Дорожка, выложенная весёлой плиткой, петляла между соснами, вдалеке маячил старый серый дом, и по-прежнему не было ни души.

– Хозяева! – снова закричал Гриша за деревьями. – Можно к вам?

Тут на весёлой дорожке невеста откуда возникла громадная чёрная собачица. Она как из воды вынырнула из зарослей жасмина и гортензий, так что ни одна ветка не шелохнулась.

– Ой! – прошептала Маруся и встала как вкопанная.

– Привет, привет, – сказал собачице Гриша. – Зови хозяев, или ты тут одна, что ли?.. Дом стережешь?

Собачица наставила уши и негромко, но отчётливо зарычала. Маруся поняла, что она сейчас бросится на её друга.

– Да ладно тебе рычать, – примирительно сказал Гриша. Кажется, он несколько не боялся грозного рыка. – Мы не разбойники, мы по делу.

– Гролыш, кто там? – раздалось за кустами, и показалась длинноногая девица в шортиках и крохотной маечке. На шее у неё почему-то висел белый пластмассовый бидончик с продетым через ручку брючным ремнём. Девица приставила ладонь козырьком к глазам – от солнца, – и собака оглянулась на неё.

– Здравствуйте! – громко поздоровался Гриша. – Ваша собака нас не съест?

– Не зна-аю, – протянула девица. – А вы кто?

– Мы к Сергею Сергеевичу!

– А! – Девица подошла к собачице и взяла её за ошейник. – Всё ясно. Кандидатский минимум не сдали?

– Почему не сдал? – удивился Гриша. – Давно сдал.

– А! – опять сказала девица весело. – Я думала, что вы двоечник, а вы, оказывается, отличник!.. Грольш, это свои. Дед! – заорала она неожиданно. – Деда!! К тебе отличники приехали! Проходите, Грольш отличников не ест, только двоечников.

И пошла по дорожке. Собачища по имени Грольш потрусила за ней.

– Марусь, где ты там?

– Я... здесь.

– Деда, ты слышишь?!

– Слышу, – раздалось, словно из преисподней. – Что такое? Что за спешка-нетерпение?..

В стороне от дорожки посреди клумбы с розами и флоксами из-под земли показалась морщинистая загорелая дочерна физиономия, очень недовольная.

– Кто тут? – гаркнула торчащая из клумбы голова.

Маруся отступила, оглянулась, но путь был отрезан – на дорожке позади неё невесть как оказалась собака Грольш. Она стояла и внимательно смотрела на Марусю.

– Сергей Сергеевич, – с энтузиазмом начал Гриша, обращаясь к голове, – я к вам на кафедру звонил, а там сказали, что вы сейчас на даче, вот я и приехал...

– Я сейчас в колодце, вы что, не видите? – раздражённо спросила голова. – Заклинило проклятый насос, мы полдня сидим без воды!..

Гриша скинул на дорожку рюкзак и полез в клумбу. Розы и флоксы закачались.

– А что случилось? – Он стал на колени и свесился вниз, голос зазвучал глухо. – В чём проблема? В электрике?

– Да шут её знает, – сказала голова и тоже нырнула в колодец.

– Тестер есть? – спрашивал Гриша. – Хорошо бы прозвонить.

– Я прозванивал, – отвечали из преисподней сердито.

– Дайте я посмотрю. А обратный клапан работает? – И Гриша исчез под землёй, как и не было его.

– Всё ясно! – заявила девица, про которую Маруся совершенно позабыла. – Сейчас в колодце состоится научно-практический семинар!.. Хотите малины?.. С холодным молоком?

И она сунула Марусе под нос бидончик. В нём были ягоды – красные и жёлтые, одна к одной, и пахло летом, счастьем, дачей!..

– Как вас зовут? Меня Агриппина! Представляете? В честь Вагановой! Ну вот кому какое дело, что Ваганова тоже была Агриппиной? А я – мучайся всю оставшуюся жизнь!

– А я... Маруся. То есть Марина.

– Маруся хорошо, – одобрила девица. – Вы тоже с дедовой кафедры? Отличница?

Из-под земли доносилось: «Фазу, фазу нужно посмотреть!.. Всё дело в фазе, точно!.. Включите, я послушаю!.. Да он не идёт!.. Раз совсем не идёт, значит, сто процентов электрика!» – «Говорю вам, молодой человек, электрика ни при чём! Я знаю этот насос не хуже самого себя!»

– Давайте за мной, – позвала девица Агриппина. – Грольш, иди попей из бочки, а то тебя солнечный удар хватит!

Следом за Агриппиной Маруся поднялась по широким пологим ступеням на просторную террасу. Все окна были открыты, и казалось, что за ними лес, а вовсе никакой не участок в Малаховке!

...Вот это дача так дача, подумала Маруся. Как в кино. Не то что тёти-Лидин домик! На палубных досках пола лежали широченные горячие ломти солнца. Мебель тёмная, деревянная, резная, особенно хорош был буфет с виноградными гроздьями и цветным стеклом. На буфете постелена льняная салфетка с фестончиками и стояли тарелки и чашки с блюдами, горевшие на солнце, как жар.

– Ну что? Малины? Или нарзану? Ещё квас есть, холодный.

– Спасибо, – проблеяла Маруся.

– Спасибо – квас? Спасибо – нарзан? Или спасибо – малина?

– Малина, – вдруг решила Маруся.

– Отличненько, – резюмировала девица и куда-то ушла. Маруся проводила её глазами. У девицы были длинные, совершенные загорелые ноги, блестящие волосы, собранные в хвост, и абсолютная уверенность в собственной неотразимости, по крайней мере, так показалось Марусе.

...Наверное, именно таких девушек Антон приглашает на кофе и премьеры в кинотеатр «Пять звёзд». Наверное, именно они субботним днём катаются на роликах в парке Горького, а вечером отправляются на джазовые концерты. Ещё они непременно учатся в театральном или в Институте международных отношений и занимаются сёрфингом на Бали.

Про них пишут в глянцевах журналах в рубрике «Малышка на миллион».

По пологим ступеням бесшумно вбежала собачица и обрушилась в тень, вывалив громадный красный язык. Маруся на всякий случай спрятала руки за спину, чтобы собачица не подумала про неё плохого.

– Вот малина, а вот молоко, наливайте сами сколько хотите. Представляете, бабушка укатила в Карловы Вары, а нас с дедом бросила! А тут как раз малина пошла, и я её каждый день собираю! Лучше бы я укатила в Карловы Вары, а бабушка пусть бы собирала! У нас поздняя малина, до сентября.

Маруся аккуратно налила в глиняную миску молока из муравлёного горшочка. Это было очень красиво – молоко и ягоды!.. И тяжёлая серебряная ложка, в которой скакал круглый солнечный мячик.

– Вы из физтеха, да?

– Нет, я в инязе работаю. Преподаю французский язык.

– Да ладно! – басом сказала девица, названная в честь Агриппины Вагановой. – Преподаёт она! Сколько тебе лет? Сорок? Или восемьдесят?

– Двадцать четыре. – Маруся попыталась как-то оправдаться, что выглядит недостаточно солидно. – Я учусь в аспирантуре и преподаю.

– Круто, – оценила Агриппина. Она плюхнулась в кресло поперёк, забросила на подлокотник совершенные ноги и стала по одной брать из пиалы ягоды и кидать их в розовый ротик. – А к деду тогда зачем?

– Да мы с Гришей хотели у него... собирались его спросить... Мы думали, он знает...

– Дед? – перебила Агриппина. – Дед всё знает! Ну, раз ты из иняза, значит, твой приятель из физтеха! Да?

Маруся кивнула – какая разница! – и вдруг её осенило:

– А вы... ты не знаешь человека по фамилии Басалаев? Он учился когда-то у профессора Астрова.

– Юрца-то? Конечно, знаю! Его все так называют, Юрец! И его знаю, и Маргошку. С самого детства.

– А Маргошка – это кто?

– Жена его, Маргарита. Они наши соседи. Дед дружил с Маргошкиным отцом, они вместе в Институте физических проблем работали. И дачи рядом получили. Только потом Маргошкин отец умер, и мама умерла. Дед с бабушкой считали, что Маргошка у них на руках, у наших то есть осталась, а они недоглядели. И она вышла замуж за Юрца. И всю жизнь промучилась! – Агриппина пожала плечами. – Вот этого я совсем не понимаю, знаешь. Зачем мучиться всю жизнь, если можно не мучиться!

– А почему она мучилась?

– Да потому что Юрец!

– Он... плохой человек?

– А ты его не знаешь, что ли? – удивилась Агриппина. – Я думала, ты знаешь, раз спрашиваешь!..

– Я о нём читала, – быстро нашлась Маруся. – В прессе.

– В какой ещё прессе! – фыркнула Агриппина. – В этой, сектантской, что ли?

– Почему... в сектантской?

– Дед считает, что он состоит в секте. В секте почитателей инопланетных цивилизаций! Ну, всякие рыцари Девярых Врат, поклонники бога Хроноса, обожатели Луны в Седьмом Доме! Дед говорит, это непростительное мракобесие. Особенно для образованного человека, а Юрец у нас образованный.

Агриппина по одной скинула на пол ноги, подошла к столу и сосредоточенно насыпала себе ещё ягод из бидончика.

– Образованный, – повторила она, кинув в ротик малинку, – а дрянь.

– Как – дрянь?

– Обыкновенно. Просто дрянной мужик, и всё. Маргошку до ручки довёл. Я думала, так только в викторианских романах бывает! Ну, когда злодей изводит прекрасную Брунгильду, чтоб завладеть её замком, землёй и наследством покойного батюшки. А Юрец – ничего, и в наше время вполне справлялся.

– Его жена умерла?! – спросила Маруся с изумлением.

Всё это не лезло ни в какие ворота. Юрий Фёдорович Басалаев, сумасшедший – или не сумасшедший, кто его знает! – учёный, знаток инопланетных цивилизаций, смешной человек с растрёпанной бородёнкой и горящим взором, на самом деле злобное чудовище?!

– Да нет, Маргошка жива, слава богу, но бабушка говорит, что он её непременно уморит. А дед отвечает, что сейчас уже ничего не поделать, раньше нужно было лучше смотреть за ребёнком. Это он в том смысле, что бабушка недосмотрела за Маргошкой! У деда всегда и во всём виновата бабушка. Слушай, может, квасу, а?.. Невозможная жара!..

– А Воскресенский? – бухнула Маруся.

– Мишаня? – удивилась девица. – А что он? Мишаня – наш человек.

– Подожди, – сказала Маруся. – Ты про академика Воскресенского говоришь?

Агриппина достала из холодильника глиняный кувшин и поставила на стол. Кувшин сразу покрылся мелкими капельками, как будто седой ледяной сеткой, и она полезла в буфет за стаканами.

– А ты про кого говоришь? В физике только один Воскресенский и есть – академик!.. Дедов любимый ученик. Он прикольный.

Маруся недоверчиво посмотрела на безмятежную собеседницу. Академик Воскресенский прикольный?..

– Они с Басалаевым дружили?

Агриппина залпом допила из стакана квас, икнула и уставилась на Марусю.

– Ты что, с ума сошла? Дружили! Мишаня его терпеть не может! Как увидит, так сразу уходит. Пойду, говорит, от греха, а то ненароком в глаз ему дам. Квасу хочешь? Холодный!

Маруся кивнула, и Агриппина налила ей.

– Мужикам, что ли, отнести? – сама у себя спросила она. – Угорят они там, в колодце. Ты сиди, а я отнесу.

Она ловко составила на поднос стаканы и кувшин и сбежала по ступенькам. Собака Гролыш подумала, поднялась и поплелась за ней.

Маруся вздохнула и оглянулась по сторонам.

...Какая жизнь, подумалось ей. Как в викторианском романе, точно!.. Собаки, академики по имени Мишаня, ледяной квас, трельяжные окна, бабушка в Карловы Вары укатила. Разве можно так жить сегодня, сейчас?.. Но вот же люди, и они так именно... живут! Вон книжка забыта в качалке, фарфоровая миска на полу, видимо, из неё пьёт собака, коричные яблоки

в корзине, шлёпанцы на пологих ступенях – один на верхней, а другой на нижней, видимо, сбросили впопыхах.

Гриша как-то сказал, что все они живут в одном городе и в одно время, а такое впечатление, что на разных планетах.

...Может, вторжение, предсказанное непонятым Басалаевым, началось уже давно? И часть мира захвачена враждебным, злобным, скользким инопланетным разумом, который вот-вот подчинит себе остатки человеческой цивилизации? И задача этого враждебного разума – начисто стереть из памяти Вселенной старые липы, дачные участки, людей, занятых любимым делом, доброту, бережное отношение к миру, порядочность, совесть, честь?..

...Может, этот дачный участок в Малаховке и есть передний край обороны и ни при чём скопления небесных тел, увиденные в объектив радиотелескопа? Тем более что, как выяснилось, у радиотелескопов не бывает объективов!..

На дорожке зазвучали голоса, послышались шаги, и Маруся почему-то вскочила. Со стороны клумбы показалась Агриппина, следом за ней Гриша – собственный Марусин Гриша – почему-то без футболки и без очков, с масляным пятном на лбу и переносице!..

– Ты мне просто покажи, где щиток, – говорил Гриша, – а там я разберусь.

Не взглянув на Марусю, он зашёл в дом, чем-то там пощёлкал и заорал на весь сад:

– Сергей Сергеич, включаю!

– Давай!.. – донеслось через некоторое время как из-под земли, впрочем, из-под земли и донеслось!

Вновь щёлкнуло, и где-то в отдалении ровно и приглушённо загудело.

– Ну?! – воскликнул Гриша тоном победителя. – Я же говорил!

И сбежал с крыльца.

– Кажется, сделали, – заметила Агриппина. – Ура!..

Из травы перед террасой приятно зацокало и застрекотало, вверх ударила водяная струя, и пошла раскручиваться поливалка!.. Бриллиантовые брызги повисли в воздухе, и сразу запахло свежестью.

– Может, кофе сварить?

– А? – Маруся заворожённо смотрела, как солнце прыгает и кувыркается в каплях.

– Или обедать?

– А?..

– Деда, ну что? Починили?

– Ты же видишь! – Крепкий, жилистый, загорелый, как астраханский рыбак, старикан в одних только вытянутых тренировочных штанах, подпоясанных солдатским ремнём, поднялся по ступеням на террасу, налил себе квасу и, не отрываясь, выпил. Полуголый Гриша тоже подошёл и тоже выпил залпом.

– Реле давления, чтоб его, – сказал старикан и налил себе ещё.

– Провод отгорел, – поддержал его Гриша и тоже налил. – Зачистили и прикрутили.

– Бабушка правильно говорит, что насос менять давно пора, – влезла Агриппина.

– Бабушке бы только менять! – гаркнул старикан. – А что там менять?! Ещё послужит!

– Ничего не нужно менять, – опять поддержал его Гриша.

– Обедать, обедать, – приказал старикан, с наслаждением отдуваясь. – Пятый час! Граня, подавай!

– Сей момент! – отвечала красавица Граня. – Ты бы штаны поприличней надел, деда!

– А что такое? Ах да!.. – Он ни с того ни с сего поклонился Марусе. – Вы меня извините, барышня, я без галстука.

– Да ничего, – пролепетала Маруся.

– А я там в клумбе футболку забыл, – сообщил Гриша.

– Граня, майку чистую ему принеси! Он свою уделал!

– Да, сейчас, дед.

– Там, за беседкой, летний душ, – сказал профессор Астров Грише. – Ты пойдёшь ополоснись. Вода в баке прогрелась, лучше не придумаешь! Полотенца чистые на полке, а шлёпанцы можешь вон те надеть. Иди, иди! А я сейчас...

Они говорили, двигались, действовали, как будто не было ничего более естественного и правильного, чем отправлять незнакомого молодого человека в душ, потчевать обедом, выдавать ему из запасов чистую футболку!..

Гриша как ни в чём не бывало отправился в «летний душ», старикан куда-то делся, а Граня внесла тяжёлый поднос, уставленный тарелками и стаканами. Под мышкой у неё был какой-то ком.

Она поставила поднос на стол и запулила в Марусю комом:

– На, отнеси ему. Она совершенно чистая.

Маруся поймала футболку и, оглядываясь на террасу, где Агриппина, напевая, расставляла на столе тарелки и раскладывала приборы, пошла в глубину участка. Сосны здесь стояли просторно, широко, в зарослях бузины возилась и попискивала какая-то птица, и висел между деревьями полосатый гамак.

«Летний душ» оказался далеко, у самого забора. До Маруси доносились шум льющейся воды и Гришино блаженное фыркание.

– Гриш! Гриша!..

Никакого ответа, фыркание и хрюканье.

– Гриш, я тебе футболку принесла!..

Хрюканье и шум воды прекратились, отдернулась занавеска со слонами и жирафами, и перед Марусиным взором предстал Гриша, совершенно голый.

Несколько мгновений они молча глядели друг на друга, а потом разом завопили:

– Ты что?! Закрой занавеску!.. Я тебе футболку!.. Вон там положи!.. Я не нарочно!..

Занавеска была судорожно задёрнута, слоны и жирафы закрыли голого Гришу, Маруся перекинула футболку через перекладину и только тут захохотала.

– Ну, ты даёшь, – говорил из-за занавески Гриша. – Я тут моюсь, ты что, не знаешь, что люди моются... без штанов?!

– Без галстука, – поправила Маруся, давась от смеха.

– Ещё смеётся надо мной!

– Я не над тобой, я просто так!

– Знаю я как!..

Он выскочил из-за слонов и мгновенно намотал ей на голову мокрое полотенце.

– Так-то лучше.

Маруся сдернула полотенце, собираясь страшно отомстить, но он оказался очень близко и сразу схватил её за плечи.

Маруся попыталась вырваться, не смогла и уставилась на него – слишком близко. Так близко в последний раз они были, когда купались в речке Северке, а с той поры никогда. Да и надобности никакой не было так... приближаться друг к другу!..

Его ладони оказались прохладными, на незагорелой коже капельки воды, и волосы мокрые. Без очков он делался слеп и теперь смотрел на неё каким-то странным, как будто несфокусированным взглядом. Он был худой, как подросток, рёбра, локти, ключицы острые и угловатые, джинсы съехали на бёдра.

Маруся быстро и коротко вздохнула.

Гриша продолжал молча смотреть на неё.

– Ты что? – шёпотом спросила она, хотя прекрасно понимала – что. – Отпусти меня.

Он не пошевелился.

Маруся взяла его за руки, подержала их ладонями вверх и оттолкнула. Он шагнул назад.

– Что ты делаешь?

– А ты что делаешь?..

Всё изменилось, подумала Маруся с внезапным ужасом, что-то теперь будет?..

Не глядя на неё, Гриша нацепил очки, потом стал надевать майку, уронил очки, они клацнули по деревянному настилу. Он нагнулся и поднял их.

Маруся собралась было взять его за плечо и ещё пять минут назад обязательно взяла бы, но сию минуту, сейчас, это оказалось совершенно невозможно, нельзя. И оттого, что это было нельзя, Марусе очень захотелось к нему прикоснуться. Никогда раньше ей не хотелось его касаться!..

– Пошли, – бесцветным голосом сказал Гриша, и Маруся поплелась за ним.

– А-а, – закричали с террасы, когда они приблизились, оба тихие и как будто пришибленные. – Наконец-то!.. Щи стынут! Водка греется! За стол, за стол!

На обед подавали щавелевые щи, в огненной гуще которых проглядывала половинка сваренного вкрутую яйца и хороший кусок отварного мяса, к шам полагались ледяная сметана и щедрые ломти свежего чёрного хлеба, затем жаркое и, разумеется, водка в запотевшем графинчике, про которую профессор Астров сказал, что по такой жарке нехорошо, конечно, да что ж делать, коли надобно выпить за починку проклятого насоса!.. Водку разливали в крохотные замороженные стопочки.

Когда Маруся от водки отказалась, уговаривать и стыдить её не стали, а налили ей квасу в хрустальный стакан, брызгающий синими отблесками на скатерть.

Старик-профессор, переодевшийся в широкие полотняные брюки и вольную рубаху, шумно ухаживал за гостей, хвалил Гришу – за помощь, а внучку – за обед.

– С её талантами, – говорил он, отставляя тарелку, – первоклассным поваром можно стать, наилучшим кулинаром, а она, здрасте-пожалуйста, на журналистику поступила! Ещё по одной, под горячее? Ну, как хотите, а я выпью. Вот это, знаете, что за блюдо такое? – пристал он к Марусе, когда Агриппина сняла крышку с жаркого. – Э, милая, такое приготовить – это вам не статейку дать про представление на тياتре! – Он так и сказал «на тياتре». – Это уметь надо.

– Дед, что ты к ним привязался?!

– Это блюдо называется полоток, – продолжал профессор, не обращая на неё внимания. – Половинка птицы – впрочем, можно и целую взять – освобождается от костей, заметьте, от всех! Распластывается, отбивается, маринуется, а затем запекается в горшке в русской печи. Так я говорю, Граня?

– Всё так, деда, – отвечала внучка, смеясь глазами, – только я тут ни при чём, дело именно в печи и в горшке. В плите это не приготовишь.

– А у вас что, печь в доме?

– Ну как же, молодой человек! Обязательно и непременно. Нет, отопление у нас тоже действует, и прочие достижения цивилизации наличествуют, но без печи куда же годится?.. И приготовить как следует, и погреться, когда мороз, а у нас хоть неделю в году, а морозы бывают крепкие. Да и потом!.. Зимой самовар как поставить? На улице не наставишься, теплоотдача у него чудовищная, а возле печки – пожалуйста! У нас она старинная, правильная, отдельный дымоход для самоварной трубы присутствует, всё как надо. Это вам не журналистика!..

Никто не спрашивал, зачем они приехали, откуда взялись, словно всё было ясно и понятно – приехали из Москвы, сообщая починили «проклятый насос», пообедали на славу, так прекрасно!..

После обеда профессор пересел в плетёное кресло, Агриппина ловко и привычно поставила ему под ноги деревянную скамеечку и объявила, что чай сразу после обеда – варварство, и вообще, пирог ещё «не настоялся».

– В шесть часов будем пить, – заключила она.

– Нам, наверное, ехать пора, – пробормотала Маруся.

– Как ехать? Куда ехать? Зачем ехать? – сделал страшные глаза профессор. – Как хотите, а без чаю вас не выпустим.

Гриша подсел к нему как ни в чём не бывало, и старик стал расспрашивать его о диссертации, которую тот защитил года два назад, как будто так и нужно, как будто Гриша тоже один из его любимых учеников.

Агриппина убирала со стола, и растерянная Маруся взялась ей помогать. Впрочем, особенно никакой помощи не требовалось – у профессорской внучки всё горело в руках, и везде был идеальный порядок. На кухне – довольно тесной и тёмной, такие всегда бывают в старых домах, – никакого разгрома, никаких следов приготовления обеда из нескольких блюд, всё прибрано, чисто, пахнет пирогом и кофе.

– А ты как думаешь? – весело заметила Агриппина, когда Маруся стала оглядываться по сторонам. – У наших не забалуешь!.. Дед, знаешь, строгий! Ты думаешь, он свойский – про жаркое рассуждает, водочку опрокидывает. Не-ет, он кремень, скала!.. А с бабушкой вообще лучше не связываться. Вон, укатила в Карловы Вары, а я тут – бейся по хозяйству!..

– Непохоже, что ты бьёшься, – сказала Маруся с улыбкой.

Агриппина распахнула дверцу посудомоечной машины и стала по одной составлять в неё тарелки.

– Они считают, что человек должен всё уметь сам. Бабушка это называет – ручками работать. Ещё она говорит, что женщина должна и глину месить, и шелка носить, иначе она не женщина, а трутень. Я у нас на курсе как-то сказала, что умею печку топить, так на меня потом смотрели все как на прокажённую, представляешь?..

– Представляю, – откликнулась Маруся. Она ополаскивала под краном большую расписную супницу.

– Сейчас самое первое дело, – продолжала Агриппина, – ничего не уметь. Это очень модно. Вот если ты ничего не умеешь, значит, ты правильный человек!.. Считается, что за тебя всё должна уметь прислуга, что ли!.. Не знаю, – она пожала совершенными плечами, – бабушка всю жизнь с домработницами прожила, а всё умеет. Даже шапки шить! Она мне прошлой зимой просто чудную шапочку сварганила!.. Купила норку, голубую, красивую, и за один вечер изобразила шапку, знаешь, такую кругленькую, как в пятидесятых у Одри Хэпберн. Ты в курсе, кто такая Одри Хэпберн?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.